

Амалия Лонг

Седьмая невеста Императора

«Литнет»

2026

Лонг А.

Седьмая невеста Императора / А. Лонг — «Литнет», 2026

Меня затянуло в другой мир прямо на лестничной клетке. Вместе с ипотекой, котом-социопатом и кредитом на машину. Теперь я — седьмая невеста в гареме императора. Правила простые: Шесть умрут. Одна станет императрицей. Проблема? Я проснулась в чужом теле. Проблема номер два? Император смотрит на меня как на приговорённую. Проблема номер три? У меня даже нет нормальных кед. Я не умею кланяться, зато умею выживать. Я не верю в судьбу, зато верю в ипотеку. А ещё я смотрела все сезоны «Холостяка». Так что давайте, ваше императорское величество. Я сыграю в вашу игру. И я не умру. В этой книге вас ждут: Отбор невест со смертельным исходом Гаремные интриги и битвы без правил Император, от которого хочется бежать... и целоваться Попаданка с языком без фильтра— она не умеет молчать, даже когда её хотят убить # Чужое тело и тайна прошлой хозяйки – кто такая Элиана и почему её душа исчезла? ✂# Дворцовые заговоры, покушения и предательство – каждый ужин может стать последним Балы, магия и проклятие древнего трона— две луны над империей и тьма в крови Любовь, которую нельзя купить Продолжение этой истории читаем здесь А так же проработанный визуал Планируется двухтомник, но я не обещаю, что не захочется продолжать # График выкладки Пн/ср/пт в 00:00 по МСК – новая глава. Подписывайтесь, чтобы не пропустить, когда Арина пошлёт императора... В смысле, когда они найдут общий язык. Ставьте в комментариях, если ждёте, когда она его растопит. Ставьте , если думаете, что она умрёт первой. Спорим, не умрёт?

© Лонг А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Смерть в квадрате	6
Глава 2. Семь смертниц	11
Глава 3. Правила отбора	15
Глава 4. Общий ужин	19
Визуал главы 4	22
Глава 5. Уроки этикета и магии	23
Визуал главы 5. Урок магии	27
Визуал главы 5. Урок этикета	28
Глава 6. Давление и страх	29
Глава 7. Фаворитка императора	33
Визуал главы 7	37
Глава 8. Бал	38
Визуал главы 8	44
Глава 9. Первая кровь	45
Глава 10. Подозрения и второй бокал	49
Глава 11. Паника среди принцесс	53
Глава 12. Испытания для невест	58
Глава 13. Падение	67
Глава 14. Под защитой Императора	75
Глава 15. Магия крови и тени прошлого	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Глава 1. Смерть в квадрате

Вспышка.

Белая, режущая глаза, будто кто-то включил солнце у меня в черепе. А потом — темнота. И руки. Чьи-то сильные, холодные руки сжимают моё горло.

Я не вижу лица. Надо мной только тень, тяжёлая, давящая, пахнущая потом и чем-то сладковатым — то ли духами, то ли ядом. Лёгкие горят. Я пытаюсь вдохнуть — не получается. Пальцы впиваются глубже, и где-то на периферии сознания мелькает мысль: «Так вот как это бывает. Не больно. Страшно».

Моё тело дёргается само собой. Руки хватают воздух, ноги скребут по чему-то мягкому — шёлк? Я не знаю. Я ничего не знаю. Только эти руки, которые смыкаются всё туже, и звон в ушах, который становится громче с каждой секундой.

Я пытаюсь закричать — из горла вырывается только хрип, похожий на всхлип. Пальцы скользят по чужой руке, я царапаю, бью, пинаюсь, но тень надо мной даже не шевелится. Она сильная. Слишком сильная. Я слабая. Слишком слабая.

«Всё, — думаю я. — Всё. Ипотеку не выплачу. Кота некому будет кормить. Кир женится на продажнице, и мне будет всё равно, потому что я труп».

Перед глазами плывут круги. Сначала чёрные, потом красные. И вдруг — голос. Женский. Испуганный, срывающийся на крик:

— Леди, очнулась?! Стража! Стража!

Руки исчезают. Я втягиваю воздух — шумно, жадно, почти с болью. Лёгкие расширяются, и каждая клетка тела кричит: «Жива! Я ещё жива!»

— Ваше высочество! Ваше высочество, очнитесь! — голос приближается, и я чувствую, как кто-то гладит меня по щеке.

Открываю глаза. Надо мной — девушка в чепце и тёмном платье. Глаза огромные, испуганные. Руки дрожат. Она похожа на перепуганного воробья.

— Вы меня слышите? — шепчет она.

— Слышу, — хриплю я. Голос чужой — тоныше, с хрипотцой. Не мой. Я тру горло — оно болит, будто по нему наждачкой прошлись.

— Слава богам, — девушка выдыхает и падает на колени рядом с кроватью. — Я думала, вы умрёте.

— Я тоже думала, — я сажусь, точнее, пытаюсь сесть. Тело не слушается. Оно чужое, непривычное. Лёгкое. Слишком лёгкое.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Кто это был? Ты видела его лицо?

Девушка смотрит на меня с недоумением.

— Кто, ваше высочество?

— Тот, кто меня душил! — я срываюсь на крик, потому что страх всё ещё не отпускает. — Тень! Руки! Он был здесь, надо мной!

Она бледнеет.

— Ваше высочество, вы бредите. Я вошла, а вы лежали без сознания. Никого не было.

— Не было? — я оглядываю комнату. Шторы задёрнуты, свечи почти догорели, в воздухе пахнет ладаном и розами. И никого. Только мы с ней.

— Вы три дня не приходили в себя, — говорит девушка. — Вас отравили. Чаем из звёздных лилий. Придворные маги ничего не могли сделать. Ваше тело умирало. Но престол призывал другую душу из иного мира. И вы очнулись.

— Что? — я смотрю на неё, как на сумасшедшую. — Какую душу? Я Арина. Арина Соболева. Мне тридцать один год. Дизайнер интерьеров. Ипотека. Кот. И меня только что пытались задушить!

— Никто вас не душил, — в голосе девушки звучит жалость. — Вы просто напуганы. Очнулись в незнакомом месте. Это нормально.

— Нормально? — я хочу сказать что-то резкое, но горло саднит, и я начинаю кашлять.

Девушка подаёт мне стакан с водой. Я пью — вода холодная, с привкусом мяты. И замечаю свои руки.

Они не мои. Короткие пальцы с обкусанными ногтями исчезли. Вместо них — длинные, тонкие, с идеальным маникюром. Кожа гладкая, без морщин, без царапин.

— Мои руки, — шепчу я. — Где мои руки?

— Ваше высочество, — девушка осторожно берёт меня за запястье. — Меня зовут Лисса. Я ваша личная служанка. Император назначил меня, когда стало известно, что вы выжили.

— Император? — я усмехаюсь. — Какой император?

— Император Эрдийской империи, — Лисса говорит это так, будто речь идёт о погоде. — Вы — одна из семи невест. Вас призвали, чтобы вы участвовали в отборе.

— В отборе? — я чувствую, что у меня начинается истерика. — В каком отборе? На что?

— На роль императрицы, — Лисса опускает глаза. — Одна из семи станет женой императора. Остальные шесть умрут.

Я смотрю на неё. Она не шутит.

— Умрут? — переспрашиваю я.

— Да, ваше высочество. Такова цена трона.

Я закрываю лицо руками. Чужими, красивыми руками. И вдруг меня накрывает осознание — я не чувствую привычной тяжести. Моё тело... оно лёгкое. Я провожу ладонями по бокам — плоский живот. Я трогаю лицо — острые скулы, тонкий нос, пухлые губы. Не моё. Всё не моё.

— Лисса, — говорю я. — Дай мне зеркало.

Она колеблется, но подаёт маленькое ручное зеркальце в серебряной оправе.

Я смотрю.

Из зеркала на меня глядит красавица. Лет двадцать, не больше. Длинные каштановые волосы ниже пояса, густые, шёлковые. Лицо — точеное, скулы высокие, глаза огромные, голубые, как ледники. Ни одного лишнего килограмма. Ни одной морщины. Это единственное, что меня радовало во всей этой ситуации.

— Это не я, — шепчу я.

— Вы, ваше высочество, — Лисса подходит ближе. — Теперь — вы.

— А где моё тело? — спрашиваю я. — Моё — с ипотекой, котом и целлюлитом?

— Ваше тело нашли мёртвым, — тихо говорит Лисса. — Вы упали с лестницы.

Я смотрю на потолок. Там звёзды. Серебряные, мерцающие. Красиво. И жутко.

— Значит, я умерла, — говорю я. — И теперь я кто? Принцесса?

— Принцесса Элиана Астерийская, — кивает Лисса. — Вас отравили чаем из звёздных лилий. Ваше тело не выдержало, душа покинула его. Но престол выбрал вас — вашу душу из другого мира. И вы заняли это тело.

— То есть меня воскресили? — я смотрю на свои руки. — Чужой душой в чужом теле?

— Да, ваше высочество. Это чудо.

— Или проклятие, — я усмехаюсь.

Я встаю. Тело слушается легко, без привычной тяжести в ногах. Я чувствую себя почти невесомой. Это пугает и радует одновременно.

— Лисса, — говорю я. — Ты уверена, что никого не видела?

— Никого, — она качает головой. — Я вошла, а вы лежали без дыхания. Я позвала стражу.

— А следы? На шее? — я трогаю горло. Оно болит.

Лисса подходит ближе, смотрит.

— Есть покраснение, — признаёт она. — Но это могло быть от того, что вы задыхались, когда вас отравили.

— Меня отравили чаем, — напоминаю я. — От чая не задыхаются. От чая умирают тихо. Меня душили. Сегодня. В этой комнате.

Лисса бледнеет.

— Вы думаете, кто-то пытался вас убить уже после того, как вы очнулись?

— Я думаю, — говорю я, — что кто-то очень не хочет, чтобы я оставалась в живых. Может, тот же, кто отравил. А может, другой.

Я подхожу к окну. Две луны. Красная и зелёная. Чужое небо. Чужой мир. Чужое тело. Но в этом теле мне дышится легче, чем в своём за тридцать один год.

— Рассказывай, — говорю я. — Всё. Кто я, где я, что за отбор. И кто может хотеть моей смерти.

Лисса садится на край кровати и начинает говорить.

Она говорит долго. Я слушаю и чувствую, как мир уходит из-под ног.

Эрдийская империя. Семь королевств. Император, который правит уже триста лет. Каждые сто лет — отбор невест. Семь принцесс из семи королевств. Одна станет императрицей. Остальные шесть умрут.

— Умрут? — переспрашиваю я. — То есть их убьют?

— Не обязательно, — Лисса вздыхает. — Говорят, они умирают сами. От проклятия. Или от несчастных случаев. Или от рук друг друга.

— Утешила, — я усмехаюсь.

Я смотрю на свои новые руки. Длинные, чужие, красивые. В прошлой жизни я была обычной. Не красавицей, не уродиной. Просто женщиной, которая устала от работы, от одиночества, от того, что жизнь проходит мимо. А теперь у меня тело мечты — и оно принадлежит кому-то другому. Или уже мне.

— Кто меня отравил?

— Неизвестно, ваше высочество. Но тот, кто это сделал, может попытаться снова.

— Попытался, — напоминаю я. — Сегодня. И, кажется, ему не понравилось, что я выжила.

Лисса молчит.

Я подхожу к окну. За стенами дворца — ночь. Две луны висят низко, почти касаясь шпилей. Красиво. И страшно.

— Ладно, Лисса, — говорю я. — Поможешь мне — выживем обе. Проговоришься — я тебя с собой заберу. У меня теперь есть опыт смерти. И тело, в котором не стыдно выйти в люди.

Лисса не понимает, но кивает.

— Что нужно делать, ваше высочество?

— Для начала — найди того, кто был здесь сегодня. Тень не могла исчезнуть просто так. У него должны были остаться следы.

— Я попробую, — шепчет Лисса.

— Не пробуй. Делай.

Я смотрю на своё отражение в тёмном стекле. Я была уставшей, разочарованной, одинокой. Теперь мне двадцать. Я красивая, стройная и меня хотят убить.

«Элиана, — думаю я. — Теперь я Элиана. Принцесса, которую пытаются убить. Невеста, которая должна умереть. Или выжить».

Я выбираю второе.

— Лисса, — говорю я. — Веди меня к императору. Я хочу посмотреть в глаза тому, кто решил, что я должна стать его женой.

— Ваше высочество, вы не одеты...

— Я одета, — я смотрю на своё нежно-голубое платье со звёздами. — И в этом платье я выгляжу так, будто уже готова к свадьбе. Или к похоронам.

Лисса вздыхает, но не спорит.

Мы выходим в коридор.

Коридоры дворца тянутся бесконечно. Факелы горят тускло, стражники стоят на каждом углу. Я иду и чувствую на себе их взгляды. Кто-то с любопытством, кто-то с жалостью, кто-то с ненавистью.

«Седьмая невеста, — думаю я. — Та, кого призвал престол. Та, кто должна умереть».

Мы входим в тронный зал.

Он огромен. Пол из чёрного мрамора, потолок теряется в темноте, по стенам — золотые канделябры в форме драконов, из пастей которых вместо пламени торчат факелы. Гербы семи королевств висят под потолком. В центре, на возвышении, стоит трон. Чёрный, резной, с рубинами, которые пульсируют алым, как живое сердце.

На троне сидит он.

Император.

Высокий. Широкие плечи обтянуты чёрным мундиром с золотыми нашивками. Волосы — тёмные, почти чёрные, чуть растрёпанные. Лицо — точеное, с острыми скулами и чёткой линией челюсти. Губы тонкие, с лёгкой усмешкой. Нос с лёгкой горбинкой.

Но главное — глаза. Тёмно-синие, почти чёрные, с золотыми искрами в глубине. Они смотрят на меня сквозь весь зал, и от этого взгляда по спине бегут мурашки. В них нет ни тепла, ни жалости. Только власть. Только опасность.

На голове — корона. Железная, шипастая, с тремя рубинами, которые пульсируют в такт её сердцу.

Рядом с тронном, полукругом, стоят шесть девушек. Принцессы. Все в роскошных платьях, с коронами на головах, с гербами на груди. Невероятной красоты. Они смотрят на меня с любопытством, с презрением, с жалостью. Я чувствую их взгляды — каждый из них оценивает меня, как соперницу.

Император встаёт. Медленно, плавно, как хищник перед прыжком. Воздух в зале становится плотнее.

Он сходит с трона. Проходит мимо принцесс — те склоняют головы. Идёт ко мне.

Останавливается передо мной. Так близко, что я чувствую запах — кожа, дым, и что-то древнее, как сама ночь.

— Принцесса Элиана Астерийская, — говорит он. Голос низкий, бархатный, с металлической ноткой. — Говорили, вы при смерти.

— Говорили, — отвечаю я. Голос не дрожит. Хотя внутри всё трясётся.

— А вы живы.

— Как видите.

— Чудо, — он приподнимает бровь. — Или престол решил иначе.

Он обводит меня взглядом — с головы до ног. Оценивает. Как оружие. Как инструмент. Как женщину.

— Ты не боишься, — говорит он. Не вопрос. Утверждение.

— Боюсь, — честно отвечаю я. — Но если я сейчас упаду в обморок, вы всё равно объявите правила. А я хочу их услышать. Потому что в чужом теле умирать не хочется. И в своём — тоже.

Он усмехается. Холодно. Но в этой усмешке есть что-то, от чего сердце пропускает удар.

— Ты дерзкая, — говорит он. — Я оставлю тебе этот язык. Пока.

Он поворачивается к остальным.

— Семь невест, — объявляет он. — Через месяц одна из вас станет императрицей. Остальные шесть умрут. От проклятья трона. Таков ритуал. Победительница будет выбрана после прохождения всех испытаний. Та, кто справится лучше всех, станет править империей вместе со мной и родит мне наследника.

Тишина. Принцессы замерли.

— А можно не участвовать? — спрашиваю я.

Он снова смотрит на меня. Долго.

— Нельзя, — говорит он. — Ты — седьмая. Та, кого призвал престол. Ты принадлежишь мне.

— Я никому не принадлежу, — отвечаю я. — Но сыграю в вашу игру. Только предупреждаю: я не умею проигрывать.

Он шагает ещё ближе. Теперь мы стоим почти вплотную. Я чувствую его дыхание на своей щеке.

— Посмотрим, — говорит он тихо, так, чтобы слышала только я. — Ты забавная, Элиана. Посмотрим, сохранишь ли ты свою дерзость, когда начнутся испытания.

Он разворачивается и уходит к трону.

Двери за ним закрываются с глухим стуком.

Элиана выдыхает. Руки дрожат.

— Она сумасшедшая, — шепчет одна из принцесс.

— Нет, — отвечает Элиана, глядя на трон, где снова сидит император. — Я просто очень хочу жить.

Она снова смотрит на свои руки. Длинные пальцы. Чужие. Красивые.

— Ладно, девочки, — говорит она громко. — Давайте знакомиться. Я Элиана. Бывший дизайнер интерьеров. Ныне — принцесса Астерии. И я не собираюсь умирать.

Никто не засмеялся.

Но император на троне чуть приподнял уголок губ.

Элиана заметила это.

«Игра началась, — подумала она. — И я не собираюсь проигрывать».

Она посмотрела на закрытые двери, за которыми скрылся император, и почувствовала, как внутри поднимается что-то новое. Не страх. Не злость. Жажда, жажда выжить.

В прошлой жизни она ничего не выигрывала. Ни в чём не побеждала. Теперь у неё есть шанс.

Глава 2. Семь смертниц

Тронный зал опустел, и тишина, которая наступила следом, оказалась тяжелее, чем крики. Я стояла на чёрном мраморе и чувствовала, как шесть пар глаз впиваются в меня. Кто-то с интересом, кто-то с презрением, кто-то с плохо скрытой ненавистью. За одни сутки в этом мире со мной случилось больше, чем за тридцать один год в прошлом. Я почти не скучала по той жизни. Почти. Только по маме и коту. Маму жаль — она очень расстроится, когда узнает. А кот... кот будет гадить в тапки и скучать по своей непутёвой хозяйке.

— Ну и вечеринка, — сказала я, чтобы разрядить воздух. — Кто организатор? Мне нужно с ним поговорить о качестве развлечений.

Никто не засмеялся.

Первой пришла в себя принцесса в золотом платье. Корона из роз блестела в свете свечей, глаза холодные, как зимнее море. Она сделала шаг вперёд, каблуки звонко цокнули по камню. Каждое движение отточено, будто она репетировала его годами. В моей прошлой жизни я так ходить не умела — я вообще передвигалась в основном от дивана до холодильника.

— Ты действительно думаешь, что это шутка? — спросила она. Голос высокий, с металлической ноткой. — Тебя чуть не убили. Тебя отравили. Ты три дня была без сознания. И ты шутишь?

— А что мне делать? Плакать? — я пожала плечами. — Слезами трон не заслужить. Или вы по-другому собираетесь побеждать?

— Я собираюсь выжить, — отрезала золотая. — Меня зовут Женестьева. Королевство Вердония. Запомни это имя. Потому что я стану императрицей.

— Запомнила. Красивое имя. А меня Элиана. И я не собираюсь спорить, кто станет императрицей. Я просто хочу жить.

Она не поняла. Никто не понял. Но мне стало легче.

— Выжить? — усмехнулась принцесса в огненно-красном платье, та, что стояла рядом с Женестьевой. Волосы цвета меди, глаза горят азартом. — Здесь не выживают. Здесь побеждают или умирают.

— Тогда я буду побеждать.

— Ты? — Женестьева окинула меня взглядом. — Дизайнер интерьеров? Ты даже меч держать не умеешь.

— Зато я умею считать. Шесть из семи умрут. Это плохие шансы. Но если я объединюсь с кем-то — они вырастут.

— Никто не будет с тобой объединяться. Здесь каждая сама за себя.

Женестьева развернулась и ушла, цокая каблуками. Огненно-красная принцесса потянулась за ней, бросив на меня насмешливый взгляд.

Принцесса в изумрудном платье с мечом на поясе подошла ко мне. Королевство Вальдхайм. Воинственная, с короткой стрижкой и шрамом на брови. От неё пахло кожей и сталью.

— Она права, — сказала девушка. Голос низкий, грубоватый. — Здесь нельзя верить никому. Даже себе.

— А тебя как зовут?

— Брунхильда. — Она усмехнулась. — И я не собираюсь умирать в этом дворце. Я пришла победить. Если хочешь выжить — держись подальше от Женестьевы. Она убила уже двух служанок.

— Спасибо за предупреждение.

— Это не предупреждение. Это факт.

Она ушла.

Принцессы расходились. Кто-то молча, кто-то бросив презрительный взгляд. Одна — в белом платье с короной-снежинкой — даже не посмотрела в мою сторону. Королевство Кристалия. Хрупкая, как льдинка. Другая — в синем бархате — скользнула взглядом и отвернулась. Королевство Аквария.

Я насчитала пять. Шестая осталась.

Девушка в нежно-голубом платье, таком же, как у меня, только с серебристым отливом. Пепельные волосы, голубые глаза, бледная кожа. Она выглядела так, будто её только что вытащили из ледяной воды.

— Ты смелая, — сказала она тихо. — Или глупая. Я ещё не поняла.

— А ты кто?

— Селеста. Королевство Люминара. — Она сделала шаг ближе. — Меня тоже отравили. За месяц до призыва. Я выжила чудом. Сердце остановилось на минуту. Но я вернулась.

— Значит, мы с тобой в одной лодке.

— В одной лодке, которая тонет. — Она протянула руку. — Но, может быть, вдвоём нам будет легче грести.

Я задумалась. Вспомнила слова Брунхильды: «нельзя верить никому». Но посмотрела в глаза Селесты — в них не было лжи. Только усталость и страх. И что-то ещё. В моей прошлой жизни я часто видела такое выражение в зеркале.

Я пожала руку. Её ладонь была холодной.

— Договорились. Но если ты меня предашь — я приду за тобой с того света. У меня теперь есть опыт. Я знаю дорогу.

Селеста слабо улыбнулась.

— Договорились.

Мы стояли вдвоём посреди пустеющего зала. Принцессы ушли. Слуги ждали у дверей. Стражники замерли у колонн.

— Ты заметила, как он смотрел на тебя? — спросила Селеста.

— Император?

— Он ни на кого так не смотрел. Ни на Женевьеву. Ни на меня. Только на тебя. — Она покачала головой. — Будь осторожна. Внимание императора — это не подарок. Это приговор.

— Почему?

— Потому что те, кого он замечает, умирают первыми.

Она развернулась и ушла, оставив запах лаванды.

Я осталась одна.

Вернулась в свои покои я только через час. Коридоры тянулись бесконечно, факелы чадили, стражники провожали меня взглядами. Я пыталась запомнить дорогу, но дворец был похож на лабиринт.

Лисса ждала, нервно теребя край фартука.

— Расскажи мне об императоре, — сказала я, падая в кресло. — Всё, что знаешь. Кто он, сколько ему, почему он так смотрит.

Лисса села на край кровати, сложила руки на коленях.

— Его зовут Дамиан, ваше высочество. Ему триста лет.

— Триста? — я приподнялась. — Триста?

— Проклятие трона дарует бессмертие. Но не счастье.

Я посмотрела на неё, потом на потолок, потом снова на неё. Триста лет. А выглядит на двадцать восемь, ну на тридцать максимум. Я, конечно, люблю опытных мужчин, но это как-то слишком.

— Он что, в морозильной камере спит? — спросила я. — Или у вас тут технологии особые? Триста лет, а лицо — будто только с обложки.

Лисса покраснела.

— Магия сохраняет тело, ваше высочество. Он выглядит так же, как в день коронации.

— Удобно. — я откинулась в кресле. — Ладно, дальше. Что ещё?

— Говорят, он похоронил семь жён. И ни одну не любил.

— А невест?

— Невест он не замечал. — Лисса опустила глаза. — До вас.

— До меня?

— Вы первая, кто сказала ему «нет». Первая, кто не упала в обморок. Первая, кто пощупала. Он запомнил вас.

Мурашки побежали по спине. В прошлой жизни меня запоминали только когда я громко ругалась в очереди или плакала на работе. А здесь — за дерзость.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю. Но опасно. — Лисса замялась. — Говорят, триста лет назад у него была первая императрица. Он любил её. По-настоящему. А потом она умерла. И с тех пор он никого не подпускал близко.

— Как её звали?

— Лилиана. Её портрет висит в закрытом крыле. Но туда никому не разрешают ходить.

— Закрытое крыло, — повторила я. — Я хочу его увидеть.

— Это невозможно, ваше высочество. Там стражники...

— Значит, придумаю, как пройти. — я встала. — А теперь спать. Завтра первый день моей новой жизни.

Лисса слабо улыбнулась.

— Завтра завтрак в малом зале. Все принцессы будут там.

— Значит, завтра будет весело.

Я легла в кровать. Звёзды на потолке мерцали. Я вспомнила маму, её руки, котлеты по воскресеньям. Вспомнила кота, который спал на моём любимом свитере. И поняла, что скучаю только по ним. За одни сутки здесь со мной случилось больше, чем за тридцать один год там.

«Император Дамиан, — подумала я. — Триста лет. Семь жён. И одна любимая. Лилиана. Интересно, что с ней случилось?»

Спала я плохо. Снились лестницы, падения, чьи-то руки, тянущиеся из темноты. А потом — звёзды. Миллиарды звёзд, кружащиеся в вальсе, складывающиеся в лицо императора. Молодое лицо. На двадцать восемь.

Проснулась от того, что кто-то гладил меня по плечу.

— Ваше высочество, пора вставать. Завтрак через час.

Лисса стояла с подносом: чашка травяного чая, ломоть хлеба с мёдом.

— Это не отравлено?

— Я пробовала сама. Всё чисто.

Я сделала глоток. Чай горьковатый, с привкусом мяты. Незнакомый. Как всё в этом мире.

— Что будет на завтраке? Принцессы снова начнут грызться?

— Женестьева уже настроила против вас половину двора.

— Половину? Значит, у меня есть вторая половина, чтобы настроить против неё.

Я встала, подошла к зеркалу. Чужое лицо, чужое тело. Но теперь уже почти привычное.

— Помогите мне одеться. Выберем платье, в котором я буду выглядеть как императрица.

Лисса открыла шкаф. Десятки платьев — голубые, синие, серебряные, с вышивкой, со звёздами. Я выбрала тёмно-синее, с серебряными нитями. Строгое, почти военное.

— Хороший выбор. Вы будете выглядеть как леди, которая не боится.

— Я и не боюсь, — ответила я, хотя внутри всё дрожало. — Я просто очень хочу жить.

Час спустя я вошла в малый зал.

Принцессы уже сидели за длинным столом. Женестьева — во главе, справа от пустующего места императора. Брунхильда — слева, положив меч на колени. Селеста — в середине, между принцессой в белом и принцессой в синем.

Я села напротив Селесты.

— Доброе утро. Чем сегодня кормят? Надеюсь, не ядом.

Женестьева усмехнулась.

— Остроумно. Но остроумие не спасёт тебя от смерти.

— А что спасёт? Твоя доброта? Или твоя корона из роз?

— Мой ум. И моя решимость.

— У меня тоже есть ум.

— Этого мало.

Брунхильда хмыкнула. Селеста улыбнулась. Женестьева скривилась.

— Ты странная. Это тебя и погубит.

— Посмотрим.

Я откусила хлеб. Вкусно. Не отравлено. По крайней мере, пока.

Я подняла глаза и встретилась взглядом с принцессой в синем — Аквария. Та быстро отвела глаза. Слишком быстро. Будто боялась, что я что-то прочитаю.

«Кто из вас убийца? Кто подсыпал яд в чай принцессы Астерии? Кто душил меня сегодня ночью?»

Я посмотрела на пустое место во главе стола. Император не пришёл.

Но его тень лежала на всём зале. Я чувствовала её кожей.

А ещё — чей-то взгляд. Холодный, изучающий. От двери, где в тени стоял высокий мужчина в тёмном плаще. Седые волосы, светлые глаза, лёгкая улыбка. Он смотрел так, будто видел насквозь. Будто знал, что я не настоящая Элиана.

Я не знала, кто это. Но сразу поняла: он опасен.

Он улыбнулся шире и растворился в коридоре.

— Кто это был? — спросила я Лиссу, когда завтрак кончился.

— Герцог Торнвуд, ваше высочество. Глава совета великих домов.

— Почему он смотрел на меня?

— Не знаю. Но берегитесь его. Он опаснее, чем кажется.

— Все здесь опаснее, чем кажется. Даже хлеб.

Мы вышли из зала. Лисса шла следом, бледная, молчаливая.

— Завтра мы идём в закрытое крыло, — сказала я на ходу.

— Но, ваше высочество...

— Ты говорила, там портрет Лилианы. Я хочу посмотреть в глаза женщине, которую он любил.

Лисса вздохнула, но не спорила.

Мы шли по бесконечным коридорам, возвращаясь в свои покои, и я думала о том, что в прошлой жизни боялась только одного — что так и останусь одна. А здесь... здесь я боялась всего. Но почему-то мне это даже нравилось. Хотя бы не скучно.

Глава 3. Правила отбора

После завтрака, когда слуги убирали со столов, меня настиг посыльный.

— Принцесса, император ждёт вас в малом кабинете. Немедленно.

Лисса побледнела. Я внутренне сжалась, но виду не подавала. В этом мире страх показывать нельзя. Страх здесь — приглашение к смерти.

— Проводи, — сказала я, поправляя рукав.

Кабинет императора оказался неожиданно скромным. Ни драконьих канделябров, ни золота. Дубовый стол, потёртый временем, кресла с высокой спинкой, камин, в котором догорали поленья. На стенах — карты империи и портреты старых императоров. Суровые лица, холодные глаза, те же короны с рубинами.

И запах. Кожа, дым, что-то горькое, как полынь. Теперь этот запах будет ассоциироваться у меня только с ним.

Император стоял у окна, спиной ко мне. На плечи накинут чёрный плащ без украшений, на голове железная корона с тремя рубинами. Сегодня он выглядел уставшим — под глазами залегла тень, плечи чуть опущены. Но даже уставший, он напоминал льва, который залёг перед прыжком. Хозяин прайда. Властелин, которому не нужно ничего доказывать.

— Закрой дверь, — сказал он, не оборачиваясь.

Я закрыла.

— Садись.

Я села в кресло напротив стола. Он повернулся.

Вблизи его лицо казалось вырезанным из мрамора: острые скулы, прямой нос, тонкие губы. Тёмно-синие глаза с золотыми искрами — в них не было тепла, но и привычной надменности тоже. Только холодная, тяжёлая усталость.

А потом я заметила вены на его шее. Тонкие, синеватые, они пульсировали в такт сердцу. И на руках — такие же, рельефные, сильные, они тянулись от запястий к локтям, скрываясь под рукавами мундира.

И вдруг внутри меня, где-то внизу живота, рассыпалась тысяча бабочек. Я не ожидала этого. Не хотела этого. Но они были там — глупые, горячие, предательские. Я сделала глубокий вдох и приказала им замолчать.

Не сейчас. Не здесь. Не перед ним.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

— Догадываюсь. Хотите объявить правила. Или проверить, не сбежала ли я.

— Сбежать невозможно, — он сел напротив. — Запомни это. Дворец — ловушка. Для всех вас.

— Утешили.

— Я не утешать пришёл. Я предупреждать.

Он откинулся на спинку кресла, изучая меня. Каждое его движение было наполнено решительностью. Даже когда он просто сидел, в нём чувствовалась сила — не показная, а настоящая, та, что накапливается веками.

— Ты не похожа на других принцесс, — сказал он. — Они приехали сюда, зная, зачем. Ты же проснулась в чужом теле и понятия не имеешь, что происходит.

— Это делает меня уязвимой?

— Это делает тебя непредсказуемой. А непредсказуемых боятся.

— Вы меня боитесь?

Он не ответил. Вместо этого наклонился вперёд.

— Расскажи, что ты помнишь о своей жизни. Той, до призыва.

— Помню, что умерла. Упала с лестницы. Перелом шеи. Быстро.

- Я не о смерти. О жизни. Кем ты была?
- Дизайнером интерьеров. Рисовала чужие квартиры.
- Семья?
- Мама. Кот. Подруга. Бывший, который женится на другой.
- Он приподнял бровь.
- Ничего героического.
- А вы ждали, что я была тайным агентом?

Он усмехнулся. В уголках его глаз собрались крошечные морщинки — единственное, что выдавало его истинный возраст. Триста лет, а выглядит на тридцать. И эти вены на шее... Я снова почувствовала бабочек и мысленно прикрикнула на них.

- У вас тут что? Магия, драконы, пророчества?

— Драконов нет, — он покачал головой. — Магия — да. Семь королевств, две луны, империя, которой правит проклятый трон.

- И как это — править триста лет?

- Скучно, — сказал он. — Очень скучно. Иногда больно. Но чаще — просто пусто.

Он встал, подошёл к камину. Пламя отражалось в его глазах, делая их живыми на мгновение. Я смотрела на его профиль — острый, хищный, и думала: «Он похож на льва. На молодого и дерзкого льва».

— Слушай правила, — сказал он, не оборачиваясь. — Здесь их не записывают. Их запоминают.

— Первое: не доверяй никому. Ни принцессам, ни слугам, ни советникам. Даже мне. Особенно мне.

— Второе: не ешь и не пей ничего, что не пробовала твоя служанка. Яд во дворце — обычное дело.

— Третье: не ходи в закрытое крыло. Даже если очень хочется. Даже если кто-то позовёт. Там прошлое, которое лучше не тревожить.

— Четвёртое: если кто-то попытается тебя убить — кричи. Я услышу. У меня есть связь с тронном. Я чувствую, когда умирает невеста.

- А если я буду кричать, вы успеете?

- Иногда да. Иногда нет.

- Пятое: не влюбляйся в меня. Это приказ.

Я не сдержала усмешку.

- Не переживайте. Романтика — не мой конёк.

- Хорошо. Тогда, может быть, ты выживешь дольше других.

Он вернулся к столу, сел. Теперь я заметила, как его пальцы — длинные, сильные, с чёткими венами — лежат на столешнице. Они не дрожали. Никогда не дрожали.

- Теперь об испытаниях. Их будет шесть.

- Шесть? — я напряглась.

— Первое — экзамен по истории империи. Кто не знает прошлого, не сможет править будущим.

— Второе — этикет. Леди Ирма будет беспощадна. Ты должна вести себя как императрица, даже когда тебя пытаются убить.

— Третье — охота в магическом лесу. Вы будете искать артефакт. Лес не прощает ошибок.

- Четвёртое — бал-маскарад. Там решаются союзы. Там же происходят убийства.

— Пятое — личное собеседование со мной. Я буду задавать вопросы. От ответов зависит, кто получит право на финал.

- Шестое — испытание магией. Не все его проходят. Некоторые сходят с ума.

- А если я провалю какое-то?

— Если провалишь — выбываешь. А выбывшие, как правило, умирают. Сами или с чьей-то помощью.

— Красивая перспектива.

— Выбирать не приходится.

Я молчала, переваривая информацию. Шесть испытаний. Шесть смертей. И только одна выживет.

— Скажи, — он нарушил тишину. — В твоём мире есть магия?

— Нет. У нас всё основано на науке. Электричество, машины, телефоны.

— Что такое телефон?

— Штука, которая позволяет говорить на расстоянии. И отправлять сообщения.

— Магия, — уверенно сказал он.

— Технологии, — поправила я.

— Разницы нет. Вы просто назвали это по-другому.

— А у вас? Как работает магия?

Он откинулся на спинку стула.

— Есть три закона. Первый: магия требует платы. Чтобы что-то создать, нужно что-то разрушить. Чтобы исцелить, нужно отнять жизнь у чего-то другого.

— Второй: магия не терпит принуждения. Нельзя заставить её служить против воли. Она либо принимает тебя, либо убивает.

— Третий: магия связана с кровью. У одних семей она сильна, у других — нет. Именно поэтому император не может взять в жёны девушку из Эрдии. Наша кровь слишком сильна. Союз с нашей же кровью ведёт к вырождению. Нам нужна свежая кровь из других королевств.

— Поэтому мы здесь.

— Поэтому.

— А ритуал? Что с ним не так?

Он помрачнел.

— Ритуал — это магия трона. Каждые сто лет он требует семь невест. Шесть умирают, их сила питает трон. Седьмая становится императрицей. Она рождает наследника. И умирает в родах.

— А если не умирает?

— Если выживает — она получает часть силы трона. И становится почти бессмертной. Но такого не было уже триста лет.

— С Лилианой?

Он резко поднял голову.

— Не произноси её имя.

— Почему?

— Это не твоё дело.

— Хватит. У тебя есть вопросы поважнее. Например, о наследнике.

— А что с ним?

— У меня было трое детей. Двое умерли во младенчестве. Третий отказался от трона. Он живёт далеко, под чужим именем. Я не видел его сто лет.

— И вы не хотите его найти?

— Он хочет жить. Как и ты. Я не буду его принуждать.

— А вы? Вы хотите жить?

Он не ответил. Подошёл к окну. Луны — красная и зелёная — висели низко, почти касаясь шпильей.

— Я хочу, чтобы империя не рухнула. А для этого нужен наследник. А для наследника — императрица. Которая выживет после ритуала.

— И которая родит и умрёт.

— Да.

— Жестоко.

— Это реальность.

Он повернулся ко мне. В свете камина его лицо казалось ещё более хищным. Лев. Настоящий лев. И почему-то бабочки внизу живота запорхали с новой силой.

— Сегодня вечером ужин в малом зале. Все принцессы будут там. Постарайся не отравиться.

— Постараюсь. — я встала. — И последнее. Вы знаете, кто меня отравил?

— Нет. Яд подсыпали в Астерии, до твоего призыва. Но если я узнаю — ты узнаешь первой.

— Договорились.

Я направилась к двери, но на пороге обернулась. Он стоял у окна, и свет двух лун падал на его плечи. Вены на шее — я снова их увидела. И почувствовала, как бабочки сходят с ума.

— Вы правда любили Лириану?

Он замер. Впервые за весь разговор его спина напряглась так, будто он готовился к удару.

— Это не твоё дело.

— Просто хочу знать, на что способно ваше сердце.

— Моё сердце триста лет как мертво, — ответил он, не оборачиваясь. — Ступай.

Я вышла.

Лисса ждала в коридоре, бледная.

— Ну что, ваше высочество?

— Ничего нового, — я посмотрела на закрытую дверь. — Те же правила, тот же император с каменным лицом. У него были дети, Лисса. Трое. Двое умерли, третий сбежал.

— Я знаю, — тихо сказала Лисса. — Об этом во дворце не говорят. Слишком больно.

— Ему?

— Ему и империи.

Я кивнула. Мы пошли по коридору, и я думала о том, что триста лет одиночества — это не проклятие. Это наказание.

— Он не каменный, — сказала я. — Он просто научился не показывать.

— Как и вы, ваше высочество.

— Как и я, Лисса. Как и я.

Вопрос от автора для комментариев:

? У императора было трое детей — двое умерли, третий отказался от трона. Как думаете, он вообще способен кого-то полюбить после всех потерь?

Ваши теории помогут мне сделать характеры глубже. Пишите! А так же помогут лучше чувствовать аудиторию и в будущем увеличивать качество своих книг!

Глава 4. Общий ужин

Когда причёска была доделана — а возились с ней, как скульпторы с мрамором, целый час, потому что Лисса не умела укладывать волосы так, чтобы они не выбивались через пять минут, — мы наконец отправились в малый зал. Я шла по длинному коридору, чувствуя, как тяжёлые юбки шуршат по каменному полу, и думала о том, что в прошлой жизни я ни за что не надела бы красное. Красное — это для смелых. Для тех, кто готов к вниманию. А я всю жизнь пряталась в сером и чёрном, сливалась с обоями, делала вид, что меня нет. Теперь у меня нет выбора.

Лисса семенила сзади, поправляя шлейф, и бормотала что-то о том, что император любит пунктуальность. Я не слушала. Я смотрела на огни свечей, которые отражались в чёрном мраморе пола, и думала: «Интересно, сколько девушек проходило этим коридором до меня? И сколько из них вернулись?»

Малый зал оказался не таким уж малым — высокие своды терялись в темноте, где плавали тени от сотен свечей, а по стенам висели гобелены с охотничьими сценами: всадники преследовали оленей, собаки рвали зайцев, соколы вонзали когти в цапель. Красиво, если не думать о том, что вся эта красота — про смерть. Длинный стол был накрыт на двенадцать персон, белые скатерти с золотой вышивкой, хрустальные бокалы, серебряные приборы — всё сверкало и переливалось так, что рябило в глазах.

Я вошла и сразу заметила: все принцессы были в красном. Женестьева — в платье цвета запёкшейся крови, с чёрным кружевом на груди и колье из рубинов на точеной шее. Принцесса Игнис — в огненно-красном, почти оранжевом, с золотыми нитями; она нервно барабанила пальцами по скатерти, и этот звук раздражал даже на расстоянии. Принцесса Кристалии — в бледно-розовом, почти белом — единственная, кто нарушил приказ, или её розовый считался оттенком красного. Она выглядела так, будто её принесли сюда силой и посадили на стул, как куклу. Принцесса Аквариис — в тёмно-бордовом, с серебряной вышивкой, не поднимала головы, уставившись в тарелку. Селеста — в нежно-розовом с серебряными звёздами — помахала мне рукой, и я на секунду почувствовала тепло, которое тут же сменилось тревогой. Брунхильда — в тёмно-красном, почти чёрном, с мечом на поясе — сидела прямо, как статуя.

Я заняла место между Селестой и Брунхильдой.

— Все в красном, — шепнула Селеста, наклоняясь к самому уху. — Как на похоронах.

— Или на свадьбе, — ответила я. — Смотря для кого.

— Ты сегодня дерзкая?

— Сегодня я голодная. Дерзость оставлю на десерт.

Женестьева, сидевшая напротив, услышала и фыркнула:

— Остроумно. Посмотрим, как ты запоешь, когда император спросит, почему ты не умерла.

— Может, потому что я умею пользоваться вилок не только для еды?

За столом повисла такая тишина, что стало слышно, как потрескивают свечи. Брунхильда поперхнулась вином, Селеста прикрыла рот рукой, а принцесса Игнис прошепела:

— Ты что, совсем страх потеряла?

— Страх — при мне, — спокойно ответила я, беря вилку. — Просто он не мешает мне есть.

Я попробовала закуски — сыр, оливки, маринованные овощи. Вкусно. И не отравлено — Лисса, стоявшая у стены, успела попробовать всё, пока я одевалась. Я поймала её взгляд и кивнула. Она слегка побледнела, но кивнула в ответ.

Двери открылись, и воздух в зале стал тяжелее. Император вошёл в чёрном мундире с золотыми нашивками, без плаща, и корона на его голове — железная, шипастая — тускло

блестела в полумраке. За ним следовали двое: магистр Астор, который выглядел так, будто его вырезали из старого дерева, и герцог Торнвуд, чьи светлые глаза, казалось, светились в темноте.

Я снова почувствовала его взгляд. Холодный, липкий, как паутина. Он смотрел на меня, и я знала — он видит больше, чем должен.

— Приветствую вас, принцессы, — император сел во главе стола. — Рад, что все исполнили мой приказ. Красный — цвет жизни. И цвет крови. Надеюсь, вы запомните это.

— У некоторых жизнь короткая, — заметила Женестьева, играя своим колье.

— У всех она короткая, — ответил император. — Вопрос только в том, кто успеет сделать больше.

Он поднял бокал, и мы повторили. Я сделала глоток — вино терпкое, с привкусом вишни, оставляющее на языке лёгкую горчинку. Не отравлено. Лисса проверила.

— Магистр Астор, — император кивнул.

Магистр встал, и его голос — тихий, скрипучий, как старая дверь — разнёсся по залу:

— Через неделю состоится первый бал. На нём император выберет первую фаворитку.

Ту, кто получит доступ к личным покоям.

— А остальные? — спросила принцесса Аквари, поднимая голову.

— Остальные будут ждать своей очереди. Или умирать.

— Вы обещали, что нас не убьют до ритуала! — выкрикнула принцесса Кристалии, и её голос дрожал, как натянутая струна.

— Я обещал, что вас не казнят за убийство, — поправил император. — Но если вы умрёте от несчастного случая — это не убийство.

Я заметила, как Женестьева переглянулась с принцессой Игнис, и в этом взгляде было что-то такое, от чего у меня внутри всё сжалось.

— Ужин начался, — объявил император. — Ешьте, пейте, наслаждайтесь. Завтра начнутся уроки этикета. Леди Ирма не прощает опозданий.

Ужин тянулся бесконечно. Блюда сменяли друг друга: суп из тыквы, запечённая рыба с травами, мясо в медовом соусе, фрукты в карамели. Я ела автоматически, почти не чувствуя вкуса, потому что всё внимание было приковано к герцогу. Он не смотрел на меня постоянно — только время от времени, но каждый раз, когда наши взгляды встречались, я чувствовала, как по спине бегут мурашки.

— Ты заметила, как он смотрит на тебя? — шепнула Селеста, наклоняясь так близко, что её волосы коснулись моего плеча.

— Заметила. Как удав на кролика.

— Он никогда так не смотрел на других. Даже на Лилиану.

— А ты откуда знаешь?

— Моя мать была фрейлиной при дворе, когда Лилиана была императрицей. Она рассказывала, что герцог всегда держался в тени, но глаза его выдавали. Он был влюблён в неё. А когда она выбрала императора, он поклялся отомстить.

— И что он сделал?

— Неизвестно. Но через месяц после этой клятвы Лилиана исчезла.

Я подняла глаза. Герцог сидел напротив, через несколько мест, и смотрел на меня. Уголки его губ приподнялись в лёгкой улыбке — не той, что дарят друзьям, а той, что дарят жертве перед тем, как нанести удар. Я не отвела взгляд. Выдержала несколько секунд. Он первый отвернулся — сделал вид, что заинтересовался беседой с соседом.

«Он боится, — подумала я. — Боится, что я знаю больше, чем должна. Или боится, что я не боюсь».

Когда ужин кончился и принцессы начали расходиться, я задержалась у выхода. Селеста ушла, бросив на меня тревожный взгляд, но я сделала вид, что не заметила. Мне нужно было побыть одной, чтобы переварить услышанное.

Коридоры были пусты — только факелы горели на стенах, бросая пляшущие тени, и где-то далеко слышались шаги стражи. Я шла медленно, и красное платье шуршало по каменному полу, как шёпот. В голове крутились слова Селесты: «Он был влюблён в неё. Он поклялся отомстить».

Я прошла половину пути до своих покоев, когда впереди, у поворота, мелькнула фигура. Женская. В красном платье.

Я замерла. Все принцессы уже разошлись — я видела, как Женевьева ушла в противоположную сторону, а Селеста — в свою. Император остался в зале, слуги носили тёмную одежду. Кто это мог быть?

— Кто здесь? — окликнула я.

Фигура не обернулась. Женщина медленно пошла вперёд, и я, сама не зная зачем, двинулась за ней. Ноги несли меня, будто кто-то тянул за ниточку.

— Стой! — крикнула я, и мой голос эхом разнёсся по пустому коридору.

Женщина остановилась у каменной стены. Повернула голову — лица не разобрать, слишком темно. А потом... сделала шаг в стену. И прошла сквозь неё, как сквозь туман, как будто камня не существовало вовсе.

Я подбежала. Камень был холодным, целым, без трещин и щелей. Ни двери, ни тайного прохода. Только глухая стена, и моё отражение в тусклом свете факелов.

— Ваше высочество! — Лисса выскочила из-за угла, запыхавшаяся, с расширенными глазами. — Я забеспокоилась, вас так долго нет.

— Лисса, — я повернулась к ней, — я только что видела женщину в красном. Она прошла сквозь стену.

Лисса побледнела так, что стала блее, чем скатерть на ужине.

— Сквозь стену, ваше высочество?

— Да. Как призрак.

— Говорят, в этом коридоре часто видят призраков, — прошептала она, оглядываясь. — Тех, кто умер во дворце. Невест, служанок... может быть, даже саму Лилиану.

— Лилиана умирала в белом? — уточнила я.

— Кто знает, в чём она ходит теперь, — Лисса перекрестилась странным жестом — всей ладонью. — Триста лет прошло. Может, она сменила платье. А может, это не она.

Я снова посмотрела на стену. Холод всё ещё стоял там — не тот, что от сквозняка, а тот, что бывает в заброшенных домах, где когда-то случилось что-то страшное.

— Кто это мог быть? Лилиана? Или одна из тех, кто погиб на отборе? Или, может, кто-то из принцесс, что сидела с нами за столом?

Лисса молчала. Её губы дрожали.

— Зачем она показалась мне? — спросила я.

— Не знаю, ваше высочество. Но те, кто видел призраков, долго не живут. Говорят, они приходят за теми, кто должен скоро умереть.

— Лисса, не пугай меня ещё больше.

— Я не пугаю, ваше высочество. Я предупреждаю.

Мы быстро пошли к покоям. Я всю дорогу оглядывалась, но красная фигура больше не появлялась. Только тени, пляшущие на стенах, и мой страх, который я старалась не показывать.

«Кто ты, призрак? — думала я. — Лилиана? Или та, кого убили до неё? И зачем ты показываешься мне?»

Ответа не было. Только ветер за окном выл, как голодный зверь.

Визуал главы 4

Общий ужин в малом зале

Глава 5. Уроки этикета и магии

Серое утро никак не хотело превращаться в день. Туман лип к окнам, как паутина, и даже в комнате для занятий было сыро и зябко. Я появилась там с единственным желанием — выжить, не опозориться и не убить никого указкой.

Леди Ирма уже стояла в центре, прямая как копьё, в платье такого мрачного оттенка, будто она носила траур по всем радостям мира. Её губы были сжаты в нитку, а глаза смотрели так, что хотелось немедленно признаться во всех грехах, даже тех, которых не совершала.

— Принцессы, — голос леди Ирмы резанул воздух, — сегодня мы будем учиться не просто кланяться, а исчезать из пространства так, чтобы вас замечали только тогда, когда вы этого хотите.

— Прятаться? — уточнила Брунхильда, поправляя меч.

— Быть незаметной — высший пилотаж этикета. Император не должен видеть вас, если вы не готовы. И наоборот — если вы нужны, вы должны появиться из ниоткуда.

Женевьева усмехнулась: она уже умела это делать. Я только вздохнула. В моей прошлой жизни я была незаметна без всякого этикета — просто женщина в сером пальто, которую никто не замечал. Теперь меня замечали все, и это пугало.

Леди Ирма заставила нас ходить по залу с закрытыми глазами, не задевая друг друга. Я столкнулась с Селестой трижды, наступила на шлейф Женевьевы и чуть не сбила с ног принцессу Кристалию.

— Вы не котёнок, — прошипела леди Ирма, — вы будущая императрица. Котят милы, императрицы — незаметны. Это разные вещи.

После этого начались поклоны. Сорок семь раз я кланялась пустому стулу, представляя, что на нём сидит император. Моя спина хрустела, корсет врезался в рёбра, а леди Ирма всё повторяла: «Глубже, ниже, глаза в пол, рука плавно, не как крыло утки».

— У уток красивые крылья, — заметила я, когда терпение лопнуло.

— Молчать и повторять.

Я повторяла. Женевьева за это время поклонилась трижды — идеально, грациозно, как будто она репетировала это с детства. Брунхильда кланялась резко, по-военному, но леди Ирма и это приняла. А я — я была безнадёжна.

— Вы — самая неловкая ученица за все мои годы, — сказала леди Ирма, когда я в пятый раз наступила на подол.

— Спасибо, — ответила я. — Я стараюсь.

— Вы стараетесь не умереть. Это видно. Но придворные оценят не старания, а результат.

После поклонов — ходьба. Мы ходили по залу с книгами на головах. Книги падали. Моя — чаще всех. Принцесса Акварии двигалась плавно, как лебедь, её юбки почти не шевелились. Принцесса Кристалии — почти бесшумно, будто она не касалась пола. А я топала, как слон в посудной лавке, и причёска, над которой Лисса билась час, распадалась на глазах.

— Спина прямая, голова высоко, юбки не мести пол — это для служанок, — чеканила леди Ирма.

— У меня болит живот, — честно сказала я. — Корсет.

— Не обсуждается.

К обеду я ненавидела леди Ирму, весь двор, императора, корсеты и этот мир, который придумал этикет.

Затем были приветствия. Придворные дамы кланяются — ты киваешь. Не улыбаешься. Не говоришь «привет». Просто киваешь. Я кивнула.

— Как будто у вас шея сломана, — прокомментировала леди Ирма. — Кивок — это движение головы на два сантиметра вниз, а не падение лица в тарелку.

Я кивнула правильно. Женестьева за моей спиной тихо фыркнула.

Дальше были: как сидеть на троне (я развалилась, Женестьева села как королева), как вставать (я кряхтела, принцесса Игнис вскочила как пружина), как принимать подарки (я сказала «ого, спасибо», Брунхильда просто кивнула), как отказывать ухажёрам (я чуть не послала их матом, Селеста покраснела до корней волос), как держать веер (я держала его как топор) и как ходить по лестнице (я чуть не упала трижды).

— Завтра продолжим, — сказала леди Ирма, когда солнце начало клониться к закату. — Будем учиться танцевать.

— Танцевать? — переспросила я, чувствуя, как ноги наливаются свинцом.

— На балу вы должны будете танцевать с императором. Если наступите ему на ногу — можете считать, что ваша карьера закончена. Император не прощает боли.

— А она и не начиналась, — пробормотала я.

— Что вы сказали?

— Что завтра приду с хорошим настроением.

Леди Ирма не поверила, но ушла, оставив после себя запах лаванды и разочарования. Другие принцессы тоже разошлись — Женестьева бросила на меня презрительный взгляд, Селеста шепнула: «Ты справишься», а Брунхильда просто хмыкнула и поправила меч.

Я уже собиралась вернуться в свои покои, когда в коридоре меня настиг магистр Астор. Он не шёл — он плыл, и воздух вокруг него мерцал, как над раскалённой плитой.

— Ваше высочество, император велел показать вам то, что не увидишь в книгах.

— И что же это?

— Магию, которая дышит в каждом камне этого дворца.

Он протянул руку, и я почувствовала, как пол уходит из-под ног. Мир завертелся, запел, засверкал тысячей огней — и через мгновение мы стояли на вершине самой высокой башни.

Внизу расстилалась империя — леса, реки, города, похожие на игрушечные. А над всем этим — небо, но не обычное. Оно пульсировало, будто живое, и по его поверхности пробежали золотые нити, похожие на молнии, застывшие в полёте.

— Магический купол, — сказал Астор, и в его голосе звучала гордость. — Он охраняет Эрдию уже тысячу лет. Ни один враг не прошёл сквозь него. Ни одна армия не смогла его пробить.

— А войны? — спросила я, чувствуя, как ветер треплет волосы.

— В империи не было войн пятьсот лет. Купол поглощает любую агрессию, превращает её в энергию для трона. Враги становятся топливом. Невесты — тоже.

Я похолодела, хотя ветер был тёплым.

— Трон питается жизнями, — продолжал Астор. — Раз в сто лет он призывает семь невест. Шесть умирают, их души идут на поддержание купола. Седьмая получает силу.

— И умирает в родах.

— Или выживает. Такого не случалось триста лет. Лилиана исчезла. Никто не знает — жива она или мертва. Но её сила не питала трон. Значит, она нашла способ обмануть проклятие.

Астор взмахнул рукой, и мы снова перенеслись — на этот раз в небольшую круглую комнату, где пахло сушёными травами и чем-то кисловатым. Вдоль стен тянулись стеллажи с разноцветными склянками, а в центре стоял стол, на котором лежали несколько бокалов с вином.

— Учебный зал малой магии, — пояснил маг. — Здесь я буду учить вас распознавать яды.

— Яды? — я посмотрела на бокалы.

— Да. Звёздная лилия, кровавой корень, сонная трава. Все они выглядят по-разному, пахнут по-разному и оставляют разный след.

Он подошёл к столу, взял первый бокал.

— Понюхайте.

Я наклонилась. Аромат был сладковатым, приторным, напоминающим переспелую грушу.

— Сонная трава. Не смертельно, но вы проспите до следующего утра. Если вам подмешают такое в вино — вино покажется слишком сладким.

Второй бокал пах горьким миндалём.

— Кровяной корень. Смертелен. Если почувствуете этот запах там, где его быть не должно — не пейте. Даже если умираете от жажды.

Третий бокал не пах ничем.

— Звёздная лилия. Та, которой отравили ваше тело. Она не имеет запаха и почти не имеет вкуса. Но посмотрите на цвет.

Он поднёс бокал к свече. Вино казалось рубиновым, но на поверхности плавали едва заметные маслянистые разводы.

— Это единственная подсказка. Масляная плёнка. Научитесь её замечать.

Астор достал из кармана маленький серебряный кулон в форме капли на тонкой цепочке.

— Носите это. Кулон потемнеет, если в питье будет яд. Он реагирует на любые известные мне отравы.

Я надела кулон. Металл был холодным, но через секунду нагрелся, будто прижился к коже.

— Завтра продолжим, — сказал Астор. — А сейчас запомните главное: трон призывает невест раз в сто лет. Следующий раз будет через сто лет. Если вы не станете императрицей, вас не будет. А если станете — у вас появится шанс изменить правила.

Он щёлкнул пальцами, и я оказалась в коридоре, недалеко от своих покоев.

Я вошла в комнату, села в кресло, поджав ноги. Лисса с тревогой смотрела на меня.

— Ваше высочество, вы бледнее обычного.

— Лисса, — позвала я. — Вино.

— Ваше высочество, вы сегодня пили уже три раза...

— Лисса, я сегодня поклонилась пустому стулу двести раз, научилась есть невидимый суп и поняла, что в этом мире меня ждёт только одно: либо смерть, либо бесконечные уроки этикета. Если я сейчас не выпью — я не знаю что я сделаю!

Лисса вздохнула и принесла вино.

Я сделала глоток. Тёплая сладость разлилась по телу.

— Астор показал мне магический купол. И сказал, что трон питается невестами. Я — топливо для этого костра.

— Леди, — сказала Лисса осторожно. — Вы сегодня делали успехи.

— Какие?

— Вы не убили леди Ирму.

— Это точно успех, — согласилась я. — Но завтра — танцы. Я не умею танцевать. У нас в мире танцы — это дёргаться под музыку на праздниках. А тут — вальсы, менуэты, всё такое.

— Я могу научить вас, — предложила Лисса. — Немного. Вечером.

— Ты? Ты умеешь?

— Служанок иногда учат. На случай, если нужно заменить кого-то на балу.

Я посмотрела на неё с уважением.

— Лисса, ты сокровище. Давай. Но сначала — ещё вина.

Мы танцевали в комнате. Без музыки. Лисса считала: раз-два-три, раз-два-три. Я наступала ей на ноги. Лисса терпела.

— Леди, вы безнадёжны, — сказала она через полчаса.

— Я знаю, — ответила я. — Но ты хотя бы не кричишь.

— Я уже привыкла.

Мы остановились перевести дыхание. Я посмотрела в окно. Две луны снова висели на небе. Красная и зелёная — как два глаза, которые смотрели на меня.

— Лисса, — сказала я. — Этот призрак... женщина в красном, прошедшая сквозь стену. Кто она могла быть?

— Не знаю, ваше высочество. Но во дворце много легенд. Говорят, в подземельях есть тайная библиотека, где хранятся дневники всех императриц. Может быть, там есть ответы.

— Тайная библиотека? — я повернулась к ней. — Ты знаешь, где вход?

— Моя бабушка рассказывала. В западном крыле, за старым гобеленом. Но туда опасно ходить. Стражники, ловушки...

— Завтра ночью мы пойдём туда, — сказала я.

— Ваше высочество!

— Лисса, если я не узнаю правду, меня убьют. Может быть, завтра. Может быть, через неделю. А если я узнаю — у меня будет шанс.

Лисса молчала. Потом кивнула.

— Хорошо, ваше высочество. Я провожу вас. Но только до входа.

— Договорились.

Я посмотрела на стену. «Тайная библиотека. Дневники императриц. Может быть, там я узнаю, что случилось с Лилианой. И почему призрак приходит именно ко мне».

Я легла спать, но долго не могла уснуть.

Перед глазами всё стояла красная фигура, проходящая сквозь камень.

Визуал главы 5. Урок магии

Визуал главы 5. Урок этикета

Глава 6. Давление и страх

Ночь опустилась на дворец тяжёлым, бархатным покрывалом. Луны — красная и зелёная — светили сквозь высокие окна, но их света хватало только чтобы обозначить контуры стен и бросить на пол причудливые тени. В коридорах было тихо. Слишком тихо.

Я ждала, пока Лисса уснёт.

Я не хотела брать служанку с собой. Слишком опасно. Слишком много вопросов, на которые у меня самой не было ответов. Тайная библиотека, о которой говорила Лисса, манила как запретный плод. Если там действительно хранятся дневники прошлых императриц, возможно, я найду ответы. Кто отравил настоящую Элиану? Кто та женщина в красном, прошедшая сквозь стену? Почему император смотрит на меня так, будто видит кого-то другого?

Я оделась в тёмное платье — почти чёрное, без единого украшения, накинула плащ, который Лисса приготовила на случай дождя, и бесшумно выскользнула в коридор. Двери моих покоев закрылись за мной с мягким щелчком.

Я пошла на запад. Лисса рассказывала, что вход в тайную библиотеку находится за старым гобеленом с охотничьей сценой. Я запомнила это место — оно было недалеко от закрытого крыла.

Коридоры тянулись бесконечной чередой. Факелы горели тускло, некоторые уже погасли. Я шла на цыпочках, стараясь не стучать каблуками. В любой момент мог появиться стражник или слуга. Но ночью дворец вымирал. Даже призраки, казалось, спали.

Я свернула в западное крыло. Вот он — гобелен. Огромное полотно, на котором искусно выткали сцену охоты: всадники преследовали оленя, собаки рвали зайца, сокол вонзал когти в цаплю. Красиво и кроваво. Я отодвинула тяжёлую ткань.

За ней была каменная стена. Холодная, гладкая, без единой трещины. Ни двери, ни щели.

— Чушь, — прошептала я. — Не может быть, чтобы Лисса ошиблась.

Я провела рукой по камню. Пыльно. Шершаво. В одном месте стена отзывалась теплом — чуть заметным, едва уловимым. Я нажала.

Стена бесшумно ушла в сторону, открывая узкую лестницу, уходящую вниз. Из проёма пахло пылью, старыми книгами и чем-то сладковатым — то ли ладаном, то ли травами, которые клали между страницами, чтобы отпугнуть жуков.

Я шагнула в темноту.

Лестница кончилась, и я оказалась в огромном подземелье.

Воздух здесь был тяжёлым, спрессованным веками. Стеллажи уходили вверх, теряясь в черноте. Тысячи книг, свитков, карт. Некоторые корешки светились слабым голубым светом — магия, поняла я. Или древняя пыль, которая накопилась за сотни лет.

Тишина стояла такая, что звон в ушах казался громким. Каждый мой шаг отдавался эхом, каждая половица скрипела, будто предупреждала о моём вторжении.

Я двинулась между рядами. Названия на корешках были мне незнакомы: «Родословная императоров», «Тайные ритуалы престола», «История северных войн», «Магия крови и трона». Я искала сундуки с дневниками императриц. Лисса говорила, что они хранятся в дальнем углу, подальше от посторонних глаз.

Я шла долго. Стеллажи сменяли друг друга, но конца им не было. Подземелье казалось бесконечным. Наконец впереди показались три деревянных сундука с медными накладками. Они стояли в нише, за последним стеллажом, будто их специально спрятали от случайных посетителей.

На каждом сундуке — табличка с именем и датой.

«Императрица Серена. 450 лет назад».

«Императрица Марта. 380 лет назад».

«Императрица Лилиана. 300 лет назад».

Я опустила на колени перед сундуком Лилианы. Крышка не была заперта. Я подняла её. Внутри — стопки писем, перевязанных шелковыми лентами, несколько тетрадей в кожаном переплёте, локон пепельных волос, завязанный в узелок, маленький кинжал с рубином на рукояти, засохшая кровь на лезвии? Или просто ржавчина?

Я взяла верхнюю тетрадь. Дневник. Открыла на первой странице.

«День первый. Меня призвали. Я не хотела. У меня была своя жизнь. Император красив, но страшен. Я буду держаться от него подальше.»

Почерк был мелким, нервным, будто писавший торопился или боялся. Буквы прыгали, строки уходили вверх и вниз.

Я перевернула страницу.

«День десятый. Сегодня он посмотрел на меня. Просто посмотрел. А у меня подкосились ноги. Я пропала. Он — не чудовище. Он — человек. Раненый, уставший, одинокий. Я вижу это в его глазах.»

«День двадцатый. Мы говорили всю ночь. О звёздах, о жизни, о смерти. Он сказал, что боится любить. Я сказала, что не боюсь. Солгала. Я боюсь. Но боюсь не его — себя.»

Я пролистала дальше. Внутри разрасталось странное чувство — я читала о том же, что начинала чувствовать сама. Та же тяга к императору, тот же страх, то же нежелание признаваться даже себе.

«День пятидесятый. Он поцеловал меня. Впервые. Я думала, что умру. Не от проклятия — от счастья. Но потом вспомнила, что проклятие убивает тех, кого он любит. И мне стало страшно.»

«День семидесятый. Я люблю его. Это конец. Проклятие убьёт меня. Но я не могу остановиться. Не могу. Даже если знаю, чем это кончится.»

Я почувствовала, как сердце сжалось. Я знала это чувство. Отрицание, страх, падение. И полное бессилие перед ним.

«День сотый. Я узнала страшную тайну. Не могу написать здесь. Боюсь, что дневник попадёт в чужие руки. Если я исчезну — ищите правду у тех, кому император доверяет. Не верьте улыбкам. Особенно тем, кто всегда рядом.»

Дневник обрывался. Ни имён, ни улик. Только страх, застывший на бумаге.

— Что ты хотела сказать, Лилиана? — прошептала я. — Кто этот человек, которому нельзя верить?

Я перелистнула несколько чистых страниц. В конце была ещё одна запись, сделанная дрожащей рукой, почти неразборчиво.

«Сегодня я ухожу. Прощай, мой император. Прощай, любовь. Я не хочу умирать. Но и жить в клетке не могу. Если ты читаешь это — значит, я не вернулась. Или вернулась, но уже не я. Береги себя.»

Я закрыла дневник.

— Ты сбежала, — сказала я в пустоту. — Или тебя убили. Но ты не хотела умирать. Как и я.

Я сунула дневник за пазуху и уже собиралась взять письма, когда услышала шаги.

Кто-то спускался по лестнице.

Шаги были лёгкими, уверенными. Не слуга. Не стражник. Кто-то, кто знал, куда идёт.

Я метнулась за стеллаж, прижалась спиной к холодным книгам. Сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно во всём подземелье.

Шаги приближались.

Из прохода вышла фигура. Женская. Платье тёмно-серое, почти чёрное. Волосы распущены. В руках — свеча, которая отбрасывала на лицо острые тени.

Женевьева.

— Выходи, — сказала она, не повышая голоса. — Я знаю, что ты здесь.

Я выдохнула. Страх отступил, сменившись злостью.

— Как ты меня нашла? — спросила я, выходя из-за стеллажа.

— Я не тебя искала, — Женевьева поставила свечу на сундук. — Я прихожу сюда каждую ночь. Читаю дневники. Ищу слабые места.

— Чьи?

— Всех. Императора, герцога, тебя.

— Моё слабое место — то, что я не умею кланяться?

— Твоё слабое место — ты слишком любопытна. Любопытство убивает.

— А жестокость помогает выжить?

— Жестокость помогает побеждать.

Женевьева села на сундук Серены, скрестив ноги. В полумраке она выглядела почти красивой — острая линия скул, холодные глаза, лёгкая усмешка на губах.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, не двигаясь с места.

— Читаю дневники императриц, — ответила Женевьева. — А ты?

— Тоже.

— Нашла что-нибудь интересное?

— Дневник Лилианы. Она боялась кого-то во дворце. Не императора. Кого-то другого.

— Это я знала и без дневника, — Женевьева усмехнулась. — Вопрос в том, кого именно.

И почему император не видит.

— А ты знаешь?

— Догадываюсь. Но доказательств нет. Только намёки. Только письма, в которых не названы имена.

— Ты читала письма Лилианы?

— Я читала всё, что здесь есть. За триста лет. Дневники Серены, Марты, Лилианы. Письма советников. Отчёты магов.

— Зачем?

— Чтобы выжить. И стать императрицей. Знание — сила. А сила — это защита.

— И что ты узнала?

Женевьева помолчала. Потом сказала тихо:

— Что проклятие не убивает невест. Его убивают люди. Кто-то во дворце, кто-то близкий к императору, уже много лет плетёт заговор. И Лилиана знала, кто это. Но не успела сказать.

— Герцог Торнвуд? — прямо спросила я.

Женевьева посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты умнее, чем кажешься, Астерия. Да, я подозреваю герцога. Но доказательств нет. Только то, что он стал ещё влиятельнее после исчезновения Лилианы. Только то, что он всегда улыбается, когда говорит о смерти. Только то, что он смотрит на тебя так же, как смотрел на неё.

— Откуда ты знаешь, как он смотрел на неё?

— Я читала дневник. Она писала: «Он смотрит на меня как на добычу. Я чувствую его взгляд даже сквозь стены. Я боюсь его больше, чем проклятия».

Я похолодела.

— Ты хочешь продать эти сведения герцогу? — спросила я.

Женевьева приподняла бровь.

— Почему ты так решила?

— Потому что ты не та, кто будет рисковать ради правды. Ты рискуешь ради выгоды.

— Умно, — Женестьева усмехнулась. — Но ты ошибаешься. Я не работаю на герцога. Я работаю на себя. И я не собираюсь продавать ему эти записи. Я собираюсь использовать их, чтобы шантажировать его.

— Ты сумасшедшая.

— Я практичная. Герцог опасен. Но у каждого есть слабости. Даже у него.

Она протянула руку к дневнику, который я держала за пазухой.

— Отдай. Это не твоё.

— Я нашла его первая.

— Ты нашла его первой, но я пришла за ним. Отдай, Астерия. Не заставляй меня применять силу.

— Ты не посмеешь. Убийство во дворце карается смертью.

— Кто узнает? Ты пришла одна. Твоя служанка спит. Император занят. А тело в подзелье могут найти не скоро. А когда найдут — решат, что ты заблудилась. Или что на тебя упал стеллаж. Несчастные случаи здесь — обычное дело.

— Ты так уверена?

— А ты хочешь проверить?

Женестьева медленно поднялась. Её рука скользнула под плащ.

— Отдай дневник, и я забуду, что видела тебя здесь.

— А если я расскажу императору, что ты читала дневники?

— Рассказывай. Он не поверит тебе. Кто ты для него? Седьмая невеста, которая заняла чужое тело. А я — принцесса Вердони, дочь великого герцога. Моё слово дороже.

— Ты угрожаешь?

— Я предупреждаю.

Женестьева вытащила из-под плаща кинжал. Тонкий, острый, с гравировкой на лезвии — змея, обвивающая рубин.

— Последний раз: отдай дневник.

Я смотрела на лезвие, на холодные глаза Женестьевы, на её уверенную усмешку. Внутри всё кричало о том, что нужно уступить, отдать, спастись. Но что-то другое — злое, упрямое, то, что заставляло меня дерзить императору и не бояться призраков, — не давало сдаться.

— Нет, — сказала я.

Женестьева занесла кинжал.

Я зажмурилась и вскрикнула.

Вопрос от автора для комментариев:

? Женестьева достала кинжал. Как думаете, успеет ли кто-то спасти Элиану? Или ей придётся защищаться самой? И что за тайны скрывает герцог, если даже Женестьева боится его, но готова шантажировать?

Пишите свои версии в комментариях! Самая неожиданная может повлиять на сюжет.

-

Глава 7. Фаворитка императора

Лезвие полыхнуло холодным огнём.

— Последний раз: дневник, — голос Женеьевы сочился ядом.

Я сжала кожаную обложку так, что побелели костяшки. Разум вопил: отдай, спасайся. Но горло выдавило иное — глухое, каменное «нет».

Она замахнулась. Я увидела, как напряглись мышцы её предплечья, как дрогнуло остриё.

— Ваше высочество!

Из темноты вынырнула Лисса. Рванулась между нами, заслонив меня грудью. Ночная рубашка, спутанные волосы, глаза, полные ужаса — но спина прямая.

— Не приближайтесь!

Женеьева застыла. Её зрачки сузились до булавочных головок.

— Ты, — выдохнула она. — Жалкая тварь.

— Я та, кто позовёт стражу, — голос служанки дрожал, но не сломался. — Сейчас же.

Тишина опустилась на подземелье, тяжёлая, как надгробная плита. Женеьева перевела взгляд с Лиссы на меня. Смерила, взвеси́ла. И вдруг оскалилась — красиво, по-волчьи.

— Сегодня твой день, Астерия. — Клинок исчез под плащом. — Но в следующий раз твоей тени может не быть рядом.

Она развернулась и ушла, не удостоив нас даже взглядом через плечо. Ступени застонали под её лёгкими шагами. Потом стихли.

Я осела на сундук. Дерево было тёплым — или это моя кровь вдруг превратилась в лёд?

— Лисса... как ты?

— Проснулась — вас нет. Поняла, куда вы. Побежала.

— Ты спасла мне жизнь.

— Я сделала то, за что меня не наградят, — она попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

Я обняла её. Крепко, по-настоящему. Впервые за всё время в этом мире. Лисса сначала окаменела, потом несмело прижалась в ответ. От неё пахло страхом и свечами.

— Идём, — сказала я, отпуская. — Здесь больше нечем дышать.

Дневник тяжелел за пазухой, как камень.

Утро вползло в покои серым, выцветшим светом. Я не сомкнула глаз. Перед внутренним взором всё кружился кинжал — змея на рубине, пятна на лезвии. Потом лицо Женеьевы. Потом Лилианин дневник, который я перечитала трижды, лёжа в темноте. Она тоже видела этот блеск. Наверняка видела.

— Ваше высочество, пора готовиться к балу, — Лисса вошла с подносом. Чай, мёд, хлеб. И круги под глазами — у неё самой ночь выдалась не лучше.

— Бал? — я села, и голова закружилась. — Забыла.

— Сегодня вечером. Император приказал всем принцессам быть. Никому не позволено отлынивать.

— Значит, Женеьева получит ещё один шанс?

— При свидетелях не посмеет. Император не простит убийства в зале.

Я кивнула. Сладкий чай обжёг горло. Хорошо. Боль помогала думать.

Служанки окружили меня, как пчёлы. Платье выбрали бирюзовое — цвет моих новых глаз, цвет морской глубины. Шёлк струился под пальцами, серебряная вышивка по подолу плескалась, как пена. Корсет затянули, но не до хруста — Лисса шепнула что-то швее, и та ослабила шнуровку. Волосы подняли высоко, открыв шею. В пряди вплели жемчуг — холодный, скользкий, как рыба́я чешуя.

— Вы прекрасны, — сказала Лисса.

И тут же, не переводя дыхания:

— Леди, у нас гостя.

— Кто?

— Леди Сесилия. Герцогиня Вэлшер. Первая красавица двора.

— Чего она хочет?

— Познакомиться.

Я взглянула на служанку. Лисса побледнела. Пальцы, перебиравшие край фартука, дрожали.

— Ты не рада, — заметила я.

— Леди Сесилия... опасна. Все невесты пытались с ней подружиться. Ни одна не дожила до свадьбы.

— Ты хочешь сказать — она убивала?

— Я хочу сказать — после её визитов случались несчастья. Падения. Яды. Звери в саду.

Никто не доказал вину.

Я села в кресло. Корсет был ещё не затянут до конца — я сделала глубокий вдох. Последний свободный воздух перед встречей.

— Зови. Посмотрим, что за зверь.

Лисса вышла. Вернулась через минуту. За её спиной — женщина.

Если бы существовал словарь придворной красоты, её портрет печатали на обложке.

Высокая. Тонкая. Острая, как кинжал — и я не искала сравнений, они сами лезли в голову. Волосы цвета спелой пшеницы спускались по спине тяжёлой косой. Глаза — васильковые, глубокие, с ресницами, отбрасывающими тени на скулы. Платье бледно-голубое, расшитое жемчугом, струилось при каждом движении. От неё пахло розами. И деньгами. И ещё чем-то неуловимым — может быть, железом.

— Леди Элиана, — она присела в реверансе. Идеальном, выверенном до градуса. — Двор в восторге от седьмой невесты.

— Двор? — я приподняла бровь. — Мне казалось, двор меня не замечает.

— О, вас заметили все, — улыбка скользнула по её губам — красивая, как маска. — Дерзкая попаданка, которая не боится императора. Это так... освежает.

— Я не дерзкая. Я просто не знаю правил. Скоро выучу — стану скучной.

— Не обольщайтесь, — Сесилия опустила в кресло без приглашения. Лисса замерла с каменным лицом. — Император любит скучных. Предсказуемых. Тех, кого не жалко потерять.

Я прищурилась.

— Вы пришли предупредить? Или запугать?

— Ни то, ни другое, — она взяла с подноса яблоко. Красное, наливное. Откусила — хруст разнёсся по комнате, как выстрел. — Я пришла посмотреть на ту, кто займёт моё место.

— Ваше место?

— Три года я была фавориткой императора, — она жевала не спеша, сок стекал по подбородку. — Делила ложе. Давала советы. Танцевала на балах. А теперь он женится. На вас. Или на одной из вас. Мне нужно знать, с кем иметь дело.

— Я не собираюсь занимать чужое место, — сказала я. — Я вообще не просилась в этот мир. И если бы могла, ушла бы в закат. Без императора, без короны, без фавориток.

Она рассмеялась. Звонко, как колокольчик в руке у смерти. Глаза остались ледяными.

— Наивность. Вы уже здесь. Седьмая невеста. Даже если трон минует вас — вы останетесь во дворце. До последнего вдоха.

— Или до побега.

— Побег невозможен, — Сесилия откусила ещё. — Шестая пробовала. Нашли через месяц. В подземелье. Питалась крысами. Сошла с ума.

Внутри меня что-то оборвалось. Я вспомнила запах того подземелья — пыль, вековая сырость, сладковатый ладан. Представила, как брожу там без света, без надежды, слышу собственный шёпот, который сходит на нет.

— Зачем вы мне это говорите?

— Чтобы вы не тешили себя иллюзиями, — она бросила огрызок на блюдо. Тот ударился о фарфор с глухим стуком. — Император не любит попаданок. Вы для него — обязанность. Ритуал. Способ обмануть проклятие. Ни больше, ни меньше.

— А вы? — спросила я. — Для него вы — кто? Игрушка?

Она не обиделась. Только усмехнулась — горько, по-настоящему.

— Удобная игрушка. Та, что не умирает после свадьбы. Та, что родит наследника, если невеста окажется пустой. Та, что всегда рядом — но никогда на троне.

— И вас это устраивает?

— Меня устраивает, что я жива, — сказала она. — В отличие от ваших предшественниц.

Мы смотрели друг на друга. В её глазах не было ненависти. Не было злобы. Только холодное, препарирующее любопытство. Как у кошки, которая застыла перед норкой и решает: броситься сразу или поиграть.

— Чего вы хотите? — спросила я прямо. У меня не осталось сил на танцы.

— Понять, кто вы, — ответила Сесилия. — Жертва? Игрок? Пешка? Или тот редкий зверь, что переживёт всех?

— А вы могли бы помочь мне выжить?

— Могла бы, — она поднялась, расправив юбки. — Но не буду. Потому что если выживете вы — умру я. У императора нет места для двоих. И он всегда выбирает только одну.

Она направилась к двери, ступая бесшумно, как привидение. На пороге обернулась. Взгляд скользнул по мне — от жемчужин в волосах до серебряной вышивки на подоле.

— Удачи, седьмая. Она вам понадобится. И запомните: если упадёте — я не подам руки. Я сделаю вид, что не заметила.

Дверь закрылась. Тишина стала плотной, как вода.

Лисса выдохнула — долго, со свистом.

— Леди... она страшная.

— Нет, — сказала я. — Она честная. Это страшнее.

Я подошла к окну. Две луны уже растворились в утренней мути. За стенами дворца просыпался город — дым из труб, крики торговцев, далёкий звон колоколов. Жизнь, которая текла мимо, не замечая меня.

«Император не любит попаданок. Вы для него — обязанность».

Она сказала правду. Я это знала. Но слышать из чужих уст было всё равно что глотать осколки.

— Лисса, — спросила я, не оборачиваясь. — Почему он не женился на ней? Три года фаворитка. Удобная. Живучая.

— Она не подходит по крови, леди. Проклятие требует чуждой магии. Наши женщины слишком похожи на императора — ритуал не работает.

— Значит, она никогда не сядет на трон. Но остаётся рядом. И ей этого довольно.

— Она умная, леди. Она не рискует.

— А я — дура, раз рискую?

Лисса промолчала. Её молчание было громче любых слов.

Я вернулась в кресло, поправила юбки. Жемчуг холодно коснулся шеи.

— Значит, у меня есть враг. Или не враг — пока не пойму. Но помощи от неё не будет.

— Леди Сесилия помогает только себе.

— Как и все в этом дворце, — вздохнула я. — Как и я. Потому что если я не позабочусь о себе — никто не позаботится.

Лисса подошла и тихо, почти шёпотом, сказала:

— Я позабочусь о вас, леди.

Я посмотрела на неё. На бледное лицо. На тени под глазами. На руки, которые ещё не перестали дрожать после подземелья.

— Ты — исключение, — я улыбнулась. — Ты — мой тайный козырь.

— Какой?

— Ты веришь в меня. А это стоит дороже любого кинжала.

Я встала. Расправила плечи. В груди ещё жил страх, но теперь к нему примешивалось другое — упрямое, колющее, живучее.

— Так, Лисса. Сегодня бал. Мне нужно платье, в котором я не задохнусь. Туфли, в которых я не сверну шею. И желательно — капля магии, чтобы наступать императору на ноги как можно реже.

— Я не маг, леди.

— А кто маг? Придворный? Может, он даст мне урок танцев?

— Спрошу, — Лисса улыбнулась — впервые за этот длинный, вымотанный день. — Но не обещаю.

Я посмотрела на дверь, за которой скрылась леди Сесилия.

«Удачи, седьмая».

Спасибо. Я возьму эту удачу.

А потом сделаю так, что она мне не понадобится.

Потому что удача — удел слабых. А я не собираюсь быть слабой. Не здесь. Не в этом теле. Не в этом мире.

Вопрос от автора для комментариев:

? Леди Сесилия — фаворитка императора, честно сказала, что не будет помогать Элиане. Как думаете, она враг или просто наблюдатель? И почему она предупредила, что побег невозможен? Что она знает такого, о чём молчат другие?

Пишите в комментариях!

Визуал главы 7

Фаворитка императора в покоях Элианы

Глава 8. Бал

Бальный зал дышал огнём.

Сотни свечей в золотых канделябрах отражались в чёрном мраморном полу — и казалось, что звёзды спустились с небес, чтобы танцевать у нас под ногами. Воздух дрожал от музыки: скрипки плакали, виолончели гудели, флейты выводили трели, от которых по коже бежали мурашки. Запахи духов, горячего воска и дорогого вина смешивались в пряный, дурманящий коктейль.

Я вошла под звуки фанфар.

Бирюзовый шёлк струился вокруг меня, как морская вода. Серебряная вышивка вспыхивала при каждом шаге. Жемчуг в волосах охлаждал виски. Я чувствовала на себе сотни взглядов — они впивались в спину, скользили по лицу, ощупывали платье. Каждый взгляд был маленьким кинжалом.

«Седьмая», — шептались за спиной. — «Та, которую отравили. Воскресла из мёртвых».

«Проклятая», — несло из другого угла.

Я выпрямила спину и подняла подбородок выше. Пусть смотрят. Пусть судачат. Я не сломаюсь.

Взгляды скрестились на мне, как клинки.

Женевьева сжимала бокал с вином так, что побелели костяшки. Её глаза метали холодную сталь. Леди Сесилия — фаворитка императора — наблюдала из-за веера. Её лицо оставалось бесстрастным, но я заметила, как напряглись её плечи. Герцог Торнвуд стоял у колонны, скрестив руки на груди. Он улыбался — той самой улыбкой, от которой у меня внутри всё обрывалось.

Я отвела взгляд и заняла место среди других принцесс. Рядом со мной стояла Селеста — бледная, как полотно, но старающаяся держаться прямо. Она украдкой сжала мою ладонь. Её пальцы были ледяными.

— Держись, — прошептала она.

— Держусь, — ответила я.

Музыка сменилась. Заиграл вальс.

Первой в центр вышла Женевьева. Её партнёром оказался молодой герцог из Вердонии — высокий, с пустым красивым лицом. Она двигалась плавно, как хищница, каждый шаг отточен, каждый поворот головы — как удар хлыста. Она знала, что на неё смотрят, и купалась в этом внимании.

— Она рождена для трона, — прошелестело в толпе.

— Император не сможет устоять.

Женевьева поймала мой взгляд. Её губы изогнулись в усмешке. «Смотри и учись, попанданка», — читалось в ней.

Я смотрела. Но не училась.

Следующей танцевала принцесса Игнис в огненно-красном. Её вальс был диким, почти неприличным. Она кружилась так быстро, что юбки взлетали, открывая щиколотки. Мужчины заплодировали. Женщины зашипели. Игнис было всё равно — она смеялась, запрокинув голову, и кружилась, кружилась, словно хотела взлететь.

Брунхильда вышла с мечом на поясе. Её партнёр — молодой лорд — то и дело косился на лезвие, боясь, что она случайно заденет его. Брунхильда усмехалась, но оружие не сняла. Её танец был грубоватым, сильным, как она сама.

Принцесса Акварии плыла, как вода. Её движения были плавными до невозможности — казалось, она не касается пола, а парит над ним. Принцесса Кристалии едва заметно пока-

чивалась, бледная и хрупкая, как снежинка на ладони. Её партнёр поддерживал её за талию, боясь, что она упадёт.

Селеста танцевала с пожилым графом, который почти не смотрел на неё. Она то и дело поглядывала в мою сторону, будто искала поддержки. Я поймала её взгляд и ободряюще улыбнулась. Она слабо улыбнулась в ответ, но в её глазах застыл страх — такой же, как у меня внутри.

Наконец объявили мою очередь.

Партнёр — молодой лорд с пустыми глазами — всю дорогу смотрел на моё декольте. Его руки были влажными. Он вёл меня скучно, механически, как заводную куклу. Я считала секунды до конца. Раз, два, три. Десять, двадцать, тридцать.

И тут музыка смолкла.

А потом заиграла снова — медленный вальс. Самый медленный за весь вечер.

Император сошёл с трона.

Я почувствовала это раньше, чем увидела. Воздух стал тяжелее. Шёпот стих, как будто кто-то накрыл зал стеклянным колпаком.

Он был в чёрном мундире без единого украшения — только золотые пуговицы тускло блестели в свете свечей. Корона на его голове — железная, шипастая — делала его похожим на тень, которая обрела плоть. Он шёл прямо ко мне.

Люди расступались перед ним, как вода перед носом корабля.

— Моя очередь, — сказал он моему кавалеру, и тот испарился, даже не пискнув.

Император взял меня за талию.

Его рука была тёплой. Слишком тёплой. Я почувствовала, как сердце пропустило удар, потом забилося где-то в горле.

По залу пронеслось изумлённое дыхание. Кто-то ахнул. Кто-то уронил бокал.

Император не танцевал с невестами на первом балу уже много лет. Никто не помнил такого.

— Не бойся, — сказал он, когда мы начали кружиться.

Его голос был низким, почти шёпотом у самого моего уха.

— Я не боюсь, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Просто танцевать с императором волнительно.

— Лжёшь.

— Немного.

Мы кружились. Люди расступались, образуя круг. Взгляды — завистливые, любопытные, злые — впивались в меня со всех сторон. Но я не смотрела на них. Только на него. На его глаза, в которых отражались свечи. На линию его скул, острую, как лезвие. На шрам, пересекающий левую бровь.

— Ты сегодня прекрасна, — сказал он. — Это платье... под цвет твоих глаз.

— Комплимент от императора? Я польщена.

— Это не комплимент. Это факт.

— А вы сегодня в хорошем настроении.

— Бал всегда поднимает мне настроение.

— Даже когда на вас смотрят сотни глаз?

— Особенно когда смотрят сотни глаз.

Он кружил меня так легко, будто я ничего не весила. Я чувствовала его дыхание на своей щеке — тёплое, с оттенком дыма и кожи. И ещё что-то древнее, как сама ночь, как этот дворец, как проклятие, которое висело над ним веками.

— Ваша фаворитка приходила ко мне сегодня, — сказала я.

Он напрягся. Всего на секунду — но я почувствовала это по его пальцам на моей талии.

— Сесилия?

— Она. Предупреждала, чтобы я не приближалась к вам.

— И что ты ответила?

— Сказала, что я не приближаюсь. Это вы меня пригласили танцевать.

Он усмехнулся — коротко, почти зло.

— Она ревнует. Это пройдёт.

— А вы? Вы ревнуете?

Он не ответил. Только сжал мою талию чуть сильнее — так, что я почувствовала каждый его палец.

— Ты знаешь, почему я пригласил тебя? — спросил он негромко, склонившись к самому моему уху.

— Потому что я хуже всех танцую?

— Потому что ты единственная, кто не пытается мне понравиться. Остальные улыбаются, льстят, строят из себя императриц. А ты... ты просто танцуешь.

— Я просто хочу выжить.

— Это и есть твоя сила, — он посмотрел мне прямо в глаза, и я утонула в их глубине.

— Не потеряй её.

Мы кружились ещё несколько минут. Мне казалось, что весь зал исчез. Остались только мы двое, музыка и этот странный, пугающий, притягательный мужчина, который держал меня так, будто я была единственной реальной вещью в его жизни.

Вальс закончился.

Мы остановились. Он всё ещё держал меня за талию. Я всё ещё смотрела в его глаза.

— Благодарю за танец, — сказал он официально и отошёл.

Холод тут же проник туда, где только что было его тепло.

Я выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле. Ноги дрожали — но не от усталости.

Пока мы кружились, я краем глаза успела заметить, что творилось вокруг.

Женевьева отвернулась и что-то прошипела принцессе Игнис. Её лицо стало пепельно-серым. Пальцы впились в подол платья так, что ткань затрещала.

— Она что, особенная? — донеслось до меня сквозь музыку.

— Похоже на то, — ответила Игнис, не сводя с нас глаз. — Император никогда так не смотрел на тебя.

— Зато он будет смотреть на меня в постели, — огрызнулась Женевьева.

— Когда это будет? Сейчас он смотрит только на неё.

Женевьева резко развернулась и отошла. Её плечи были напряжены, как струны.

Леди Сесилия замерла с веером в руке. Её лицо не выражало ровным счётом ничего — но я заметила, как побелели костяшки её пальцев. Она смотрела на императора и на меня так, будто видела приговор.

— Он никогда не танцевал с невестами в первую неделю, — прошептала она своей спутнице. — Эта девушка опасна. Не для меня — для него.

— Что вы имеете в виду? — спросила та.

— Он слишком близко к ней. А те, кого он приближает, умирают.

Сесилия спряталась за веером, но её глаза горели — холодным, лихорадочным огнём.

Брунхильда смотрела на меня с одобрением. Она кивнула — коротко, по-военному, будто говорила: «Держись, солдат».

Селеста замерла, забыв о своём партнёре. В её глазах смешались надежда и страх. Надежда на то, что у меня есть шанс выжить. Страх — что этот шанс стремительно уменьшается.

Герцог Торнвуд не сводил с нас глаз. Его улыбка стала шире, но в глазах застыл лёд. Он смотрел на меня так, будто видел насквозь — каждую косточку, каждую мысль.

— Интересно, — прошептал он. — Очень интересно.

Я отошла в сторону, пытаюсь перевести дыхание. Ко мне тут же подскочила Селеста.

— Ты в порядке? — спросила она, хватая меня за руку. Её ладонь была холодной и влажной.

— Да. А ты почему такая бледная?

— Я боялась за тебя. Когда он пригласил тебя, у меня сердце остановилось.

— Он просто танцевал.

— Он так не танцевал ни с одной из нас, — Селеста покачала головой. — Ты особенная для него. Берегись.

— Чего?

— Его внимания. Женевьева уже ненавидит тебя. Сесилия тоже. А герцог... я видела, как он смотрел. Он что-то задумал.

— Я знаю.

— Ты знаешь, он убил Лилиану?

— Подозреваю.

— Не подозревай, — Селеста оглянулась и понизила голос до шёпота. — Моя мать была фрейлиной. Она говорила, что герцог приходил к Лилиане в ночь её исчезновения. И после этого её никто не видел.

— Почему император ничего не сделал?

— Потому что нет доказательств. А герцог слишком силен. У него своя армия, свои шпионы. Император не может тронуть его без войны.

Я сжала кулак. Ногти впились в ладонь.

— Значит, мне нужно найти доказательства.

— Или не искать, — Селеста испуганно посмотрела на меня. — Ты можешь погибнуть.

— Я и так могу погибнуть. А так — хотя бы с пользой.

Рядом выросла Лисса — бледная, запыхавшаяся, но державшаяся прямо.

— Леди, вам нужно в дамскую комнату. Поправить причёску.

— Зачем? — я машинально коснулась жемчужин.

— После танца с императором все леди поправляют причёски. Традиция.

Я кивнула. Мне нужно было побыть одной. Нужно было собрать мысли, которые разбежались, как перепуганные мыши.

— Идём, — сказала я Лиссе. — Но ты останешься в коридоре.

На лестнице было пусто. Только тени плясали на стенах от факелов — то вытягивались, то сжимались, как живые. Я поднялась вверх. Дамская комната пахла розами — густо, приторно, до тошноты. Я подошла к зеркалу.

На меня смотрела чужая женщина. Бледная, глаза горят, губы сжаты в тонкую линию. Жемчуг в волосах мерцал, как капли крови.

— Ты справишься, — сказала я своему отражению. — Ты уже справились с худшим.

Дверь открылась без стука.

Я обернулась. На пороге стоял герцог Торнвуд.

— Прошу прощения, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Я не знал, что леди здесь. Я ищу императора. Вы не видели его?

— Он внизу, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Благодарю.

Он не уходил. Стоял, прислонившись к дверному косяку, и разглядывал меня так, будто я была картиной в галерее.

— Вы прекрасно танцевали, принцесса. Император был очарован.

— Я просто исполняла свой долг.

— Долг? — он усмехнулся. — Вы так же говорили о долге, когда искали дневник Лилианы в подземелье?

Внутри меня всё оборвалось. Я замерла, стараясь не выдать страха.

— Я не знаю, о чём вы.

— Конечно, не знаете. — Он сделал шаг вперёд. Факел за его спиной метнул тень на стену — огромную, чудовищную. — Но я знаю, что вы нашли дневник. И знаю, что вы его читали.

— Если вы хотите забрать его, то опоздали. Он в надёжном месте.

— Я не хочу его забирать. — Его голос стал мягче, почти ласковым. — Я хочу, чтобы вы его сожгли.

— Зачем?

— Потому что он опасен. Не для меня — для вас. Чем больше вы знаете, тем быстрее умрёте.

— Это угроза?

— Это совет, — он поклонился — издевательски, как актёр на сцене. — Хорошего вечера, принцесса.

Он вышел так же бесшумно, как и вошёл.

Я выдохнула — и только тогда поняла, что всё это время не дышала. Лёгкие горели.

Лисса влетела в комнату, едва не сбив меня с ног.

— Леди! Он знает? Он всё знает?

— Да, — я схватила её за руку. — Нам нужно уходить. Быстро.

Мы выбежали в коридор. Спустились вниз. Бал продолжался — музыка играла, люди танцевали, никто не заметил моей бледности, никто не спросил, что случилось.

Я нашла императора. Он разговаривал с магистром Астором, но, увидев меня, прервался.

— Я устала, — сказала я. — Можно я уйду?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — беспокойство? подозрение? — но он кивнул.

— Иди. Завтра поговорим.

Я вышла из зала. В коридоре было пусто — только мои шаги эхом разносились по каменным сводам, как удары сердца.

Селеста догнала меня у поворота. Она запыхалась, волосы выбились из причёски.

— Элиана, подожди!

— Что случилось?

— Герцог... он спрашивал меня о тебе. Где ты была ночью. Я сказала, что не знаю.

— Спасибо.

— Будь осторожна, — она схватила меня за плечи. — Он не тот, кем кажется.

Я обняла её. Крепко, по-настоящему. Селеста пахла страхом и ванилью.

— Я знаю, — прошептала я ей в ухо. — Я знаю.

Я пошла в свои покои. За спиной скрипнула половица. Я обернулась — никого.

Но я чувствовала на себе чей-то взгляд. Холодный, тяжёлый, как могильная плита.

Луны за окном смотрели на меня жёлтыми глазами.

Я закрыла дверь. Задвинула засов.

И только тогда позволила себе заплакать.

Вопрос от автора для комментариев:

? Герцог предложил Элиане сжечь дневник. Как думаете, он боится, что правда выйдет наружу, или действительно пытается её защитить? И почему император не замечает, что творится у него под носом?

Пишите в комментариях!

Визуал главы 8

Император и Элиана кружатся в первом танце

Глава 9. Первая кровь

Крик разорвал ночь на куски.

Я вскочила раньше, чем открыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, руки судорожно вцепились в край одеяла. Этот вопль был не из сна — настоящий, женский, полный такого животного ужаса, что воздух в комнате стал ледяным. Он проник сквозь каменные стены, пробил тяжёлые двери и застыл под потолком, как призрак.

Дверь распахнулась. Лисса влетела в спальню, на ходу застёгивая платье. Её лицо было белее простыни, пальцы дрожали так сильно, что она не попадала в пуговицы.

— Ваше высочество... принцесса Кристалии... — голос служанки сломался.

— Говори.

— Её нашли мёртвой. В своей постели. Говорят, она даже не разделась после бала.

— Как?

— Отравили. Яд в вине. Она выпила его ещё вчера, а умерла только под утро. Лежит в бальном платье... белая, как полотно.

Я сбросила одеяло. Ноги нащупали холодный пол. Первое платье, попавшееся под руку — тёмное, строгое, без единого украшения. Сейчас не до жемчугов.

— Остальные принцессы?

— Не знаю, леди. Весь дворец гудит. Все боятся.

Я затянула пояс. Лисса помогла поправить воротник. Наши взгляды встретились в зеркале — две бледные женщины, две пары глаз, полных одного и того же вопроса: «Кто следующий?»

— Идём, — сказала я.

Коридоры гудели, как потревоженный улей.

Слуги жались к стенам, перешёптываясь за спинами стражников. Я шла быстро, не глядя по сторонам, но чувствовала, как взгляды впиваются в спину. Кто-то смотрел с сочувствием, кто-то со страхом, кто-то — с плохо скрываемым злорадством. В их глазах я читала одно: «Седьмая будет следующей».

Покои Кристалии были открыты настежь. Изнутри доносились голоса — лекари, маги, советники. Воздух в коридоре пах травами и чем-то сладковатым, приторным. Тем самым ядом, который оборвал жизнь той, кто ещё вчера стояла рядом со мной на балу.

Я протиснулась в дверь.

И замерла.

Она лежала на кровати. Белое платье, белое лицо, белые руки, аккуратно сложенные на груди. Причёска уже начала распадаться — локоны выбились из шпилек и рассыпались по подушке. В бальном наряде, с остатками вчерашнего макияжа, она выглядела так, будто просто уснула в усталости после танцев. Но синева под глазами и неестественная бледность губ выдавали правду. Смерть не красит никого.

Магистр Астор стоял у изголовья, склонившись над телом. Рядом с ним — император. Чёрный мундир, железная корона, лицо, высеченное из камня.

— Яд в вине, ваше величество, — говорил Астор, не повышая голоса. — Медленного действия. Она выпила бокал ещё на балу, а умерла только под утро. Бокал никто не подменял — яд добавили заранее, возможно, за несколько часов до того, как она сделала глоток.

— Кто имел доступ? — голос императора был тихим, почти спокойным. Но в этой тишине слышался металл, от которого хотелось опустить глаза.

— Многие. Слуги, принцессы, гости. Бокалы стояли на столах без присмотра. Отраву могли подсыпать в любой момент.

— Найдите того, кто приближался к её месту. Допросите всех. Каждого.

— Уже делаем, ваше величество.

Император поднял голову и заметил меня. Его взгляд скользнул по лицу, задержался на глазах. Он жестом подозвал к себе.

Я подошла. Остановилась рядом с ним, глядя на Кристалию.

— Видишь? — он кивнул на тело, и в его голосе впервые проступила усталость. — Это начало. Я говорил тебе на балу: шесть из вас умрут. Такова цена трона. Но я умолчал о главном — они должны умереть после ритуала, а не до.

— Какая разница? — спросила я, не отрывая взгляда от её лица. — Мёртвая есть мёртвая.

— Большая, — он понизил голос, чтобы никто не слышал. — Если невесты умирают до ритуала, отбор не завершается. Престол остаётся без наследницы. Империя рухнет в междоусобице. Убийца знает это. Значит, его цель — не просто избавиться от тебя или от других. Его цель — уничтожить саму систему.

— И вы позволите ему это сделать?

— Я собираюсь его остановить.

— Как? Вы даже не знаете, кто это.

— Узнаю.

Он отошёл к окну, скрестив руки на груди. Я осталась стоять, глядя на Кристалию. Тихая, незаметная. Никогда ни с кем не ссорилась, никому не перечила. Первая жертва. Не самая сильная, не самая дерзкая — самая уязвимая. Её выбрали не потому, что она кому-то мешала. Её выбрали потому, что убить её легче всего.

— Её убили не из-за вражды, — сказала я, поворачиваясь к императору. — Её убили, чтобы запугать остальных. И чтобы показать, что убийца может добраться до любой.

— Это сработало, — он кивнул в сторону двери. — Посмотри на них.

Я оглянулась.

В дверях толпились принцессы. Женестьева стояла, прислонившись к косяку, бледная, сжав губы в нитку. В её глазах не было страха — была холодная, расчётливая злость. Брунхильда сжимала рукоять меча, готовая к бою, её челюсти были стиснуты. Селеста едва держалась на ногах, опираясь на стену — лицо мокрое от слёз, но она молчала. Принцесса Аквариис смотрела в пол, принцесса Игнис нервно крутила кольцо на пальце.

Никто не рыдал. Все боялись. Каждая думала одно: «Я следующая».

Я выскользнула из покоев и взяла Селесту под локоть. Она вздрогнула, но не отстранилась.

— Ты что-то видела на балу? — спросила я шёпотом, уводя её в пустой коридор. — Кто подходил к Кристалии?

Селеста оглянулась, убедилась, что нас никто не слышит. Её губы дрожали.

— Я видела Сесилию. Она передала Кристалии бокал. Сказала, что это подарок от императора.

У меня внутри всё оборвалось.

— Ты уверена?

— Да. Я стояла в трёх шагах. Кристалия удивилась — она не ждала подарка от императора, но взяла. Выпила почти сразу.

— Почему ты не сказала императору?

— Сказала. — Селеста горько усмехнулась. — Он спросил Сесилию. Та всё отрицает. У неё есть подружки — леди Морган, Фелиция, Ровена — которые подтвердят, что она не отходила от них весь вечер. Моё слово против их слов.

— Но ты же принцесса.

— А они — фаворитки и дочери герцогов. Им поверят больше. Мне сказали, что я, должно быть, обозналась.

Я сжала кулак. Ногти впились в ладонь.

— Я сама скажу императору.

— Не надо, — Селеста схватила меня за руку. — Ты станешь её мишенью. Умрёшь следующей.

— Я уже мишень, — сказала я. — Меня хотели убить в первый же день, ещё до того, как я открыла глаза в этом теле.

— Тогда будь осторожна. — Она отпустила мою руку и ушла, шатаясь, как сломанная кукла.

В полдень император собрал всех принцесс в малом зале.

Свет из высоких окон падал на полированный пол холодными прямоугольниками. Мы стояли в ряд — семь невест, семь женщин, которых призвали умереть ради трона. Теперь нас оставалось шесть.

Император повторил то же, что говорил утром: никто не выходит из покоев без сопровождения, охрана усилена втрое, расследование идёт полным ходом.

— Запомните, — его голос звенел, как натянутая струна. — Шесть из вас умрут. Это неотвратимо — такова природа проклятия. Но они должны умереть после ритуала, а не до. Убийца нарушает закон империи. Я найду его и покараю. Независимо от того, кто это — принцесса, советник или моя фаворитка.

Женевьева усмехнулась — коротко, презрительно. Брунхильда кивнула, как солдат, получивший приказ. Селеста опустила глаза в пол.

После собрания я догнала императора в коридоре.

— Сесилия передала Кристалии бокал. Мне сказала Селеста. Она видела своими глазами. Он остановился. Повернулся ко мне — медленно, тяжело, как танк.

— Я уже допросил Сесилию. Она отрицает. У неё есть алиби — три леди, готовые поклясться на крови, что она не отходила от них весь вечер.

— Подруги могут врать.

— Могут, — согласился он. — Доказать это невозможно.

— А тело Кристалии? Яд?

— Яд обычный, таких во дворце — десятки флаконов. Это не улика.

— Значит, вы ничего не сделаете?

— Я буду искать дальше. — Его голос стал жёстче. — Но без доказательств я не могу тронуть фаворитку. У неё влиятельные родственники, собственные земли, вассалы. Если я арестую её без улик, двор восстанет. Начнётся гражданская война. Трупов будет больше, чем от любого проклятия.

— А смерть невесты — не война?

— Для меня — да. Для них — нет. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Они увидят в этом лишь повод для бунта. А я не могу рисковать империей из-за подозрений.

Я почувствовала, как внутри закипает злость. Горячая, несправедливая, беспомощная.

— Вы слабы, — сказала я.

Он не обиделся. Только усмехнулся — горько, устало.

— Я осторожен. Это разные вещи.

— Тогда я сама найду доказательства.

— Ты погибнешь.

— Я и так погибну, если ничего не делать. Вы сами сказали: шесть умрут. Может, я буду в их числе. Но я хотя бы попытаюсь узнать правду.

Я развернулась и ушла, не дожидаясь ответа. Его взгляд тяжелел на спине, но я не обернулась.

Вечером я отправила Лиссу разузнать, где во время бала находилась Сесилия. Служанка вернулась через час — запыхавшаяся, но с полным отчётом.

— Она танцевала с герцогом Торнвудом, потом с императором, потом сидела с подругами в углу. Никто из слуг не видел, чтобы она подходила к Кристалии.

— Кроме Селесты.

— Кроме Селесты. Но её слова никто не подтверждает.

— А кто эти подруги?

— Леди Морган, леди Фелиция и леди Ровена. Все из старых аристократических родов. Все приближённые к императору. Говорят, они готовы поклясться чем угодно.

— Значит, они будут врать за неё.

— Скорее всего.

Я задумалась. Перед глазами всё стояло лицо Кристалии — спокойное, белое, чужое.

— Нужно найти кого-то, кто видел то же, что и Селеста. Кого-то из слуг, из гостей, из других принцесс. Кого-то, кому нечего терять.

— Ваше высочество, это опасно. — Лисса побледнела ещё больше, если такое было возможно.

— Всё опасно, Лисса. Даже чашка чая. Даже сон в собственной постели.

Ночью я сидела у окна.

Луны светили холодно — красная и зелёная, как два глаза, которые наблюдали за мной из темноты. Первая смерть. Кристалия. Её убили, чтобы запугать. Или чтобы показать, что убийца — кто-то из сильных. Или чтобы сорвать отбор.

Сесилия. Женестьева. Герцог. У каждого был мотив. У каждого — возможность. Но у кого больше?

Я закрыла глаза и попыталась восстановить каждую деталь бала. Танец с императором. Его слова: «Шесть умрут». Его взгляд, когда он смотрел на меня. Потом — дамская комната, герцог, его усмешка. Сесилия за веером. Женестьева, сжимающая бокал.

Кто-то из них лжёт. Или все.

— Лисса, — позвала я. — Ты знаешь, где сейчас хранятся бокалы, которые использовали на балу?

— В погребах, наверное. Их ещё не успели вымыть — следствие забрало всё, что связано с Кристалией.

— Завтра утром мы туда спустимся. Я хочу посмотреть на них сама.

— Но это запрещено. Магистр Астор приказал никого не пускать в погреба.

— Тем лучше. Значит, нас никто не ждёт.

Лисса вздохнула. Потом кивнула — так же, как Брунхильда на собрании. Как солдат, принявший приказ.

Я посмотрела на луны. Они не мигали.

Я поклялась себе: найти убийцу. Или умереть, пытаясь.

Глава 10. Подозрения и второй бокал

Рассвет не стёр вчерашнюю смерть. Он лишь подсветил её — серым, безжизненным светом, который просочился сквозь щели ставен и лёг на пол холодными прямоугольниками. Я не сомкнула глаз. Каждый раз, когда веки тяжелели, передо мной вставала Кристалия — белая, как её платье, с синими тенями под глазами и руками, сложенными на груди. Её убили не за то, что она сделала. Её убили за то, кем она была — слабой, незащищённой, идеальной мишенью.

Лисса вошла без стука — знала, что я не сплю. Поднос с завтраком звякнул о столик, но запах хлеба и мёда показался мне тошнотворным.

— Ваше высочество, во дворце только и говорят, что об убийце.

— И на кого пало подозрение?

— На всех. На принцесс, на фаворитку, даже на герцога. — Она помедлила. — Говорят, что следующей можете быть вы.

— Говорить они мастера. — Я накинула тёмный плащ, пальцы привычно затянули узел. — А я пойду говорить с Женеьевой.

— Одна?

— С ней лучше наедине. Гордость не терпит свидетелей.

Покои Женеьевы дышали золотом и высокомерием. Тяжёлые портьеры, лепнина на потолке, портреты предков с хищными улыбками. Сама хозяйка сидела в кресле, закинув ногу на ногу, с бокалом красного вина — хотя утро только началось. Её лицо было бледным, но не от страха: бессонница точит даже принцесс.

— Пришла обвинять? — спросила она, не предложив сесть.

— Пришла спросить, что ты видела.

— Я видела, как ты танцевала с императором дольше, чем положено. И как он смотрел на тебя. Этого достаточно, чтобы весь зал забыл о Кристалии.

— Это не ответ.

— А ты не имеешь права требовать ответов. — Она отпила глоток. — Ты — седьмая. Та, кто не умеет кланяться и считает трусость этикетом.

Я опустилась в кресло напротив без приглашения. Её бровь дрогнула — хорошо. Значит, она не каменная.

— Кристалию убили не из ненависти. Её смерть — послание. Кто-то хочет сорвать отбор. Ты знаешь, кто?

— И ты, конечно, думаешь на меня.

— У тебя есть мотив. Ты хочешь трон. Если все невесты погибнут до ритуала, император останется без выбора.

Она усмехнулась — сухо, без тени веселья.

— Если я уберу соперниц, я останусь единственной. Ему придётся взять меня.

— Или он казнит тебя за убийство. Ты не глупа: после гибели шести девушек все пальцы укажут на выжившую.

Женеьева поставила бокал. Хрусталь звякнул, как предупреждение.

— Докажи, что это я. У тебя нет ничего.

— Пока нет.

— И не будет, потому что я не убивала. — Её голос стал жёстче, челюсти сжались. — Мне нужен отбор. Я хочу доказать, что я лучшая, а не получить корону по умолчанию.

Я вгляделась в её лицо. Женеьева не отвела взгляда — в нём не было ни страха, ни вины. Только вызов. И усталость, которую я узнавала, как своё отражение.

— Хорошо, — я поднялась. — Я ищу убийцу. Если ты не она — помоги.

— А если я она?

— Тогда я найду способ тебя остановить. Сколько бы сторонников у тебя ни было.

Она рассмеялась — впервые не колко, а с оттенком одобрения.

— Ты смелее, чем кажешься, седьмая. Это может тебя спасти. Или погубить.

В коридоре меня ждала Лисса.

— Что скажете?

— Она либо невиновна, либо актриса, достойная сцены. — Я пошла к лестнице. — Но моё чутьё подсказывает: Женевьева не из тех, кто подсыпает яд. Она ударила бы в лицо, а не в спину.

— Значит, теперь к фаворитке?

Я кивнула. Лисса побледнела.

— Ваше высочество, она опаснее. У неё свои шпионы, своя стража.

— Поэтому я пойду одна.

Покои Сесилии соседствовали с императорскими — привилегия, которую никто не оспаривал. Дверь охраняли двое в чёрных плащах с золотым львом на груди.

— Леди никого не принимает, — бросил один, не глядя.

— Передайте: принцесса Астерии хочет говорить о бале и о смерти.

Стражник исчез, вернулся через минуту.

— Проходите. Леди предупреждает: у неё мало времени.

Сесилия сидела у окна в серебристом халате, расшитом золотом. Волосы распущены, лицо без макияжа — и от этого ещё более опасное, как оголённый клинок. В руках она держала книгу, но не читала — пальцы скользили по корешку, не открывая страниц.

— Принцесса, — она не привстала. — Чем обязана?

— Вы передали Кристалии бокал на балу. Сказали, что это подарок от императора.

— Ложь. — Голос стал тихим, почти ласковым — и от этого ещё страшнее. — Я не подходила к ней.

— Селеста видела.

— Селеста — перепуганная девчонка, которая ищет, на кого указать пальцем. Она обождалась. Или лжёт.

— Две принцессы не могут ошибаться одновременно.

— Две? — Сесилия приподняла бровь. — Ты тоже меня обвиняешь? У тебя есть доказательства?

— Я ищу правду.

— Правда в том, что я не приближалась к Кристалии. — Она встала, и комната стала теснее. — Мои подруги подтвердят: я не отходила от них весь вечер.

— Подруги, которые скажут всё, что вы прикажете.

— Это оскорбление. — Она шагнула ко мне, и я уловила запах роз и горького миндаля. — Будь осторожна, седьмая. Обвинять фаворитку без улик — верный способ исчезнуть. Я могу стереть тебя в порошок одним словом.

— А убивать невест — не способ исчезнуть? Император поклялся найти виновного. И если это вы, ваши связи не спасут.

— Если бы я хотела убивать, ты была бы первой. — Она наклонилась так близко, что я видела сетку тонких морщин у её глаз. — Ты — угроза. Дерзкая, чужая, непредсказуемая. Ты опаснее всех остальных, вместе взятых. Но я не убивала Кристалию. Мне это не нужно.

— Тогда кому нужно?

Она отвернулась к окну. Утренний свет обрисовал её профиль — острый, как лезвие.

— Подумай сама. Кто выиграет, если отбор сорвётся? Кто получит власть, если император останется без наследницы?

Имя повисло в воздухе, не произнесённое, но оглушительное.

— Я ничего не сказала. — Она взяла со столика веер, раскрыла его, пряча лицо. — А теперь ступай. Пока я не передумала и не позвала стражу.

Я не двинулась.

— Если вы не убивали, помогите мне найти того, кто это сделал.

— Зачем? — её голос из-за веера звучал глухо. — Мне нет дела до тебя и до остальных.

— Потому что если убийца не остановится, следующей может оказаться любая из нас. Включая вас. Думаете, герцог пощадит фаворитку, которая ему больше не нужна?

Она замерла. Всего на секунду — но я увидела, как дрогнули её пальцы, сжимающие веер. Страх. Быстрый, как вспышка, и тут же спрятанный.

— Уходи.

Я вышла. В коридоре меня колотило — то ли от холода, то ли от близости смерти.

— Она не убивала, — сказала я Лиссе, когда мы отошли.

— Откуда вы знаете?

— Убийца не стал бы так рисковать. Он бы играл роль испуганной овечки — поддакивал, улыбался, притворялся. А Сесилия... она была искренна в своей злости. Она не стала бы унижаться до отрицаний. Она бы напала первой, будь за ней вина.

День тянулся, как вязкая смола. Я перебирала свитки о ядах — всё бесполезно. Тот, что убил Кристалию, был везде: на кухне, в лазарете, в кладовых. Следствие топталось на месте.

К вечеру в дверь постучали. Селеста.

Она вошла, шатаясь. Глаза красные, веки распухли, платье мягкое — будто она спала в нём, а может, и не спала вовсе.

— Ты в порядке? — я подошла к ней.

— Мне подбросили бокал. — Голос её прерывался. — В мою комнату. С остатками вина.

— Где он?

— Я отдала стражникам. Они сказали... в нём тот же яд, что убил Кристалию.

Я обняла её. Крепко, по-настоящему. Селеста пахла слезами и страхом — не подделкой, а живым, тягучим ужасом.

— Хотят подставить тебя, — сказала я ей в волосы.

— Или запугать, — всхлипнула она. — Я боюсь, Элиана. Я не хочу быть следующей.

— Не будешь. Я не позволю.

Я держала её в объятиях, чувствуя, как дрожит её тело. И верила ей. Верила каждому её всхлипу, каждой дрожащей руке.

Но где-то глубоко, на самом дне сознания, зашевелился червь сомнения. Я тут же задавила его. Не сейчас. Не с ней.

Ночь снова опустилась на дворец — тяжёлая, бархатная, полная шорохов и теней. Я сидела у окна, глядя на две луны. Красную и зелёную. Как два глаза, которые никогда не закрываются.

Кто? Сесилия с её ледяной красотой? Женестьева с её гордостью? Герцог с его тихой улыбкой?

Я перебирала в памяти каждую деталь. Каждый взгляд. Каждое слово.

Сесилия слишком уверена. Женестьева слишком пряма. Герцог слишком незаметен. А Селеста... Селеста просто напугана. Как и я. Как и все.

И всё же, когда я закрывала глаза, передо мной вставало её лицо. Не Кристалии. Селесты. Заплаканное, испуганное, такое... правильное. Слишком правильное?

Я отогнала эту мысль. Но она вернулась. И осталась где-то на границе сознания, тонкая, как волосок.

— Лисса, — позвала я. — Завтра мы снова идём в тайную библиотеку.

— Ваше высочество...

— Лилиана что-то знала. Её дневник неполон, но, возможно, там есть другие бумаги. Я должна найти правду.

Луны смотрели на меня. Я не отвела взгляда.

Глава 11. Паника среди принцесс

Слух о подброшенном бокале пророс сквозь стены быстрее плесени.

К полудню о нём судачили все — от прачек, полоскавших бельё в ледяной воде, до стражников, забывших сменить караул. Голоса приглушались до шёпота в коридорах, но поднимались до возбуждённого гула в кухне, где сплетни обычно не приживались — слишком много работы. Теперь даже поварята замирали над кастрюлями, ловя каждое слово.

Изменилось и качество шепота. Когда умерла Кристалия, люди боялись. Теперь к страху примешалась паранойя — липкая, едкая, заставляющая оглядываться через плечо.

— Её хотят подставить, — донеслось до меня из-за двери кухни, когда я проходила мимо. Голос принадлежал одной из судомоек. — Селеста беззащитна. Самая лёгкая мишень.

— А может, она и убила, — возразил другой, более хриплый. — А теперь корчит из себя жертву.

— Типун тебе на язык. Она же мухи не обидит.

Я остановилась. Разговоры затихли — кто-то заметил мою тень под дверью. Я не стала заходить. Бесполезно переубеждать тех, кто жаждет крови. Слухи не умирают по приказу, они размножаются в темноте.

Но я знала одно. Твёрдо, как удар сердца. Селеста не убивала.

Лисса шла за мной по пятам, бледная, пальцы теребили край фартука.

— Ваше высочество, если об этом говорят в кухне, значит, императору уже доложили.

— Значит, скоро нас всех начнут допрашивать.

— Вы думаете, Селесту арестуют?

— Пока нет. Нет улик. Но подозрение пало на неё — именно этого и добивался настоящий убийца.

— Вы уверены, что она невиновна?

Я остановилась, повернулась к Лиссе. Взгляд — в глаза.

— Уверена. Я знаю Селесту. Она не способна на убийство. Если бы она хотела меня отравить, у неё была сотня возможностей. Мы спим в соседних комнатах. Едим за одним столом. Пьём из одних кубков. Она могла подсыпать яд в моё вино в любой момент. И не сделала этого.

— А бокал в её спальне?

— Подстава. Кто-то хочет её устранить. Либо потому, что она что-то знает. Либо потому, что кому-то мешает.

— Что же она знает?

— Пока не знаю. — Я двинулась дальше, к лестнице, ведущей в крыло Селесты. — Но мы это выясним.

Лисса не стала меня останавливать. Она уже поняла — бесполезно.

Дверь в покои Селесты была заперта изнутри. Я постучала — три коротких удара.

— Селеста, это я. Открой.

Тишина. Такая плотная, что звон в ушах казался громким. Потом — долгий, скрежещущий звук отодвигаемого засова. Дверь приоткрылась на ладонь. В щели показалось лицо, которого я не узнала.

Бледное, опухшее от слёз, с красными веками и потрескавшимися губами. Волосы спутаны, платье мягкое — она не переодевалась со вчерашнего дня.

— Ты одна? — прошептала Селеста, косясь на пустой коридор за моей спиной.

— Одна. Впусти.

Она шагнула внутрь. Я закрыла дверь и задвинула засов — инстинктивно, будто мы прятались от всего мира.

Комната напоминала поле битвы. Платья выброшены из шкафа, шторы задёрнуты так плотно, что не пробивался даже дневной свет. На столе — чашка с чаем, давно остывшим, поверхность покрылась тонкой плёнкой. Подушка на кровати была влажной — пятна от слёз не высохли, их было слишком много.

— Я не убивала, — сказала Селеста, опускаясь на край кровати. Её голос был сорванным, будто она кричала всю ночь в пустоту. — Клянусь всеми богами, которых ты не знаешь, и теми, которых знаю я. Я не трогала Кристалию.

— Я знаю. — Я села рядом, взяла её холодную ладонь в свои. — И верю тебе. Расскажи всё. С самого начала. Не пропускай деталей.

Она закрыла лицо руками. Плечи вздрагивали. Я не торопила. Тишина растянулась, как резина.

— За неделю до бала мне прислали письмо, — наконец выдохнула она, не поднимая головы. — Оно лежало на подушке, когда я вернулась от леди Ирмы. Я не знаю, как его пронесли мимо стражи. Мои покои охраняются, но кто-то вошёл. Или кто-то из своих.

— Ты показала письмо кому-нибудь?

— Нет. Испугалась. Думала, что справлюсь сама. Наивная дура.

— Что было в нём?

Селеста подняла лицо. В её глазах застыл такой ужас, что у меня похолодели кончики пальцев.

— Там было написано: «Убей принцессу Элиану до начала отбора. Иначе твоя семья умрёт. Ответа не нужно. Мы следим».

Воздух в комнате стал плотнее. Я почувствовала, как сердце пропустило удар, потом забилось чаще.

— Ты показывала письмо императору?

— Нет. — Она покачала головой, и слёзы брызнули снова. — Я испугалась, что он подумает, будто я согласилась. Или что арестует меня за сговор. Думала, что откажусь, а они не посмеют тронуть моих родных. Думала, что это пустые угрозы. Я не дала ответа. Просто молчала. Спрятала письмо и делала вид, что ничего не случилось.

— И теперь тебя подставляют.

— Теперь меня пытаются убить. — Её голос стал тише, почти шёпотом. — Бокал в моей комнате — это не случайность. Кто-то хочет, чтобы все поверили: это я убила Кристалию.

— Но ты не убила меня. И не собиралась.

— Никогда. — Она схватила меня за запястье, пальцы впились в кожу. — Ты — моя подруга. Единственная, кто отнёсся ко мне по-человечески. Я скорее умру сама, чем подниму на тебя руку.

— Кто прислал письмо? Есть догадки?

— Не знаю. Почерк незнакомый. Печати нет. Бумага простая, такую можно купить в любой лавке.

— Покажи письмо.

Она встала, шатаясь, подошла к шкафу. Достала из-под стопки нижнего белья сложенный лист пергамента. Руки дрожали так сильно, что она едва не уронила его.

Я взяла лист, развернула.

Короткие строки. Грубые, угловатые буквы — словно писавший старался изменить свой почерк до неузнаваемости. Нажим сильный, почти прорывающий пергамент. Некоторые буквы дрожат — рука ходила ходуном. Писали не спокойно. Писали со злостью. Или со страхом. Я прочитала текст про себя, потом вслух повторять не стала — незачем кормить тьму лишними словами.

— Что мне делать? — спросила Селеста, глядя на меня глазами утопающего.

— Покажи письмо императору. Сейчас же.

— Он подумает, что я его подделала. Чтобы отвести подозрения.

— Не подумает. Он видел сотни угроз за свою жизнь. Он отличит настоящую от фальшивки. И потом, если бы ты хотела подставить кого-то, ты бы придумала что-то поумнее, чем письмо с требованием убить твою лучшую подругу.

Она сжала кулак. Ногти впились в ладонь до белизны.

— А если он арестует меня?

— За что? За то, что тебе угрожали? Это не преступление, Селеста. Это доказательство того, что ты — жертва, а не убийца.

Я взяла её за руку, сжала крепко.

— Я пойду с тобой. Ты не одна.

Император принял нас в малом кабинете — комнате без окон, с одним факелом на стене и тяжёлым дубовым столом, за которым он подписывал смертные приговоры. Он выглядел уставшим. Под глазами залегли лиловые тени, на лбу — морщины, которых я не замечала раньше. Взгляд оставался острым, как бритва, но в глубине таилась усталость человека, который не спал несколько ночей подряд.

— Что случилось? — спросил он, переводя взгляд с меня на Селесту.

Я положила письмо на стол.

— Селесте угрожали. Требовали убить меня до отбора. Она не ответила. И теперь её подставляют, подбрасывая улики.

Император взял лист. Прочитал. Медленно, водя пальцем по строкам. Дважды. Потом положил на стол и посмотрел на Селесту. Долго. Так, что она побледнела ещё сильнее.

— Когда вы получили это?

— Неделю назад, ваше величество.

— Почему не сказали сразу?

— Испугалась. — Её голос дрогнул, но она выдержала его взгляд. — Думала, что они не посмеют тронуть мою семью, если я не буду ничего делать. Думала, что справлюсь сама.

— Ошиблись.

— Знаю. Теперь уже поздно.

Император отодвинул письмо к краю стола, подальше от чернильницы.

— Это не доказательство вашей невиновности. Но и не улика против вас. Я прикажу проверить бумагу и чернила. Возможно, удастся найти мастера, который их изготовил. Таких во дворце немного.

— А моя семья? — Селеста подалась вперёд. — В письме сказано, что их убьют.

— Я отправлю гонца в Люминару. Сегодня же. Если с ними что-то случилось, вы узнаете первая. Если нет — я приставлю к ним охрану.

Селеста выдохнула. Долгий, дрожащий выдох, будто она несла на плечах мешок с камнями и наконец сбросила его.

— Благодарю, ваше величество.

— Ступайте. И будьте осторожны. — Он посмотрел на меня. — Обе. Убийца не остановится. Он уже убил один раз. Убьёт снова.

В коридоре, когда дверь кабинета закрылась за нами, Селеста схватила меня за руку так сильно, что я почувствовала, как хрустнули суставы.

— Спасибо, — прошептала она. — Если бы не ты, я бы никогда не решилась. Я бы продолжала молчать, пока меня не арестовали.

— Не думай об этом. Теперь мы знаем главное: кто-то хочет убрать невест. Не только Кристалию.

— Ты думаешь, тот, кто прислал письмо, убил её?

— Или её убил кто-то другой, по тому же заказу. Но ясно одно: за всем стоит один человек. Один мозг. Одна рука, которая дёргает нити.

— Что будем делать?

— Найдём слугу, который разливал вино на балу. Томас. Он мог видеть, кто подходил к бокалам.

— Его уже ищут?

— Император отдал приказ. Если он жив, его найдут. Если нет... — Я не договорила. Селеста поняла.

Вечером Лисса принесла новости. Она влетела в комнату, забыв постучать, и я поняла — что-то случилось.

— Томаса нет во дворце. — Она переводила дыхание, как после бега. — Его комната пуста. Вещи исчезли — все до последней рубашки. Никто не видел, как он уходил. Даже сосед по комнате ничего не слышал.

— Сбежал? — спросила я.

— Или его убрали, — тихо сказала Лисса, и в её голосе прозвучало что-то, от чего у меня побежали мурашки по спине. — Слуги говорят, что он был не один. У него были сообщники во дворце. Кто-то помогал ему следить за невестами, кто-то открывал двери, кто-то подносил яд.

— Кто его рекомендовал при приёме на работу? — спросила Селеста, сидевшая в кресле с чашкой уже холодного чая.

— Я спросила у старшего дворецкого. — Лисса посмотрела на меня. — Томаса привёз во дворец личный посыльный герцога Торнвуда. Пять лет назад.

— Опять герцог, — прошептала Селеста.

— Это не доказательство, — сказала я, хотя внутри всё кипело. — Но ещё одна нить. И мы потянем за неё.

Ночь мы провели в моих покоях. Селеста отказалась возвращаться к себе — боялась, что в темноте её ждёт очередной «подарок».

— Если меня хотят подставить, они могут подбросить что-то ещё, — сказала она, кутаясь в плед на диване в гостиной.

— Оставайся. Лисса постелит тебе здесь.

— А император не будет против? Мы же не спросили разрешения.

— Пусть приходит и смотрит. — Я подошла к окну. Луны снова смотрели на меня — красная и зелёная. — Я не боюсь.

Селеста слабо улыбнулась. Впервые за несколько дней.

На рассвете Лисса прибежала снова. Запыхавшаяся, бледная, с глазами, полными ужаса.

— Томаса нашли. В подzemелье. В проклятом колодце.

Я вскочила.

— Живого?

— Мёртвого. — Она перекрестилась прямой ладонью. — Удушение. Своим же поясом. Кто-то затянул так сильно, что пряжка впилась в шею.

Селеста села на диване, прижимая плед к груди.

— Его убрали, — сказала я. — Чтобы не говорил.

— Теперь мы никогда не узнаем, кто его нанял, — прошептала Селеста.

— Узнаем. — Я подошла к ней, взяла за плечи. — Убийца оставляет следы. Всегда. Даже если ему кажется, что он идеален.

Утром император снова собрал всех принцесс в малом зале. Света было мало — факелы почти догорели, слуги не успели их заменить. Окна выходили на север, и за ними хмурилось свинцовое небо, обещающая дождь.

— Слуга, разливший вино на балу, найден мёртвым, — объявил император, стоя во главе стола. — Убит. Это уже не несчастный случай. Это заговор против короны.

— И что вы сделаете? — спросила Женьевьева. В её голосе не было страха — только холодное любопытство.

— Перекрою дворец. Никто не войдёт и не выйдет без моего личного разрешения. — Он обвёл нас взглядом. — Я приказываю обыскать покои всех принцесс.

— Это оскорбление! — воскликнула принцесса Игнис, вскочив с места.

— Это необходимость. — Голос императора стал тише, но от этого только жёстче. — Убийца среди вас. Я найду его. Даже если для этого придётся перерывать каждую комнату, каждый сундук, каждый карман.

Принцессы замолчали. Селеста под столом сжала мою руку — её пальцы были ледяными.

После собрания император задержал меня.

— Ты веришь в невиновность Селесты?

— Верю.

— Почему?

— Потому что она пришла ко мне с письмом. Потому что она не убила меня, хотя могла бы — легко, без свидетелей. Потому что её подставили. И потому что я чувствую — если я ошибусь в ней, я потеряю последнюю нить, которая держит меня в этом мире.

Император посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — недоверие? Уважение? Усталость?

— Будь осторожна. Если она не убийца, то настоящий убийца до сих пор на свободе. И он уже показал, что не остановится ни перед чем. У него нет жалости. Нет границ.

— Я знаю.

Он кивнул и ушёл, оставив меня одну в пустом зале.

Я стояла у окна, глядя на серое небо. Две луны скрылись — днём их не видно, но я знала, что они там. Смотрят. Ждут.

Я поклялась себе: найти убийцу. Не только ради Кристалии. Ради Селесты. Ради всех невест, которые спят по ночам с кинжалами под подушками. Ради себя.

Потому что если я не найду его первой — он найдёт меня.

Глава 12. Испытания для невест

Труп Томаса унесли, когда небо только начинало светлеть. К полудню о нём забыли — двор переключился на свежую кровь, как стая акул, учуявшая раненого. Здесь не любят смотреть на смерть дольше, чем требуется для приличий. Слишком много мертвецов — слишком мало времени на скорбь.

Император собрал нас в малом зале, чтобы объявить: отбор продолжается. Его голос звучал над нашими головами, как колокол на пожаре.

— Смерть не отменяет ритуал. Кристалия пала жертвой труса. Мы найдём убийцу. Но вы будете соревноваться дальше.

Женевьева усмехнулась — одними уголками губ, холодно. Брунхильда кивнула, как солдат, получивший приказ. Селеста стояла бледная, но держалась прямо, хотя я чувствовала, как дрожит её ладонь под столом. Я сжала её пальцы — ответное пожатие было слабым, но живым.

— Первое испытание — завтра на рассвете, — продолжил император. — Проверка знаний этикета и истории империи. Леди Ирма будет экзаменовать. Готовьтесь.

— Этикет? — принцесса Игнис вскочила, её огненно-рыжие волосы метнулись, как пламя. — Мы будем кланяться, пока убийца гуляет по дворцу?

— Вы будете доказывать, что достойны трона, — отрезал император, и в его голосе зазвенел металл. — Убийцу найдёт стража. Ваше дело — выжить и победить.

После собрания я задержалась. Дождалась, пока остальные разойдутся.

— Вы уверены, что это разумно? — спросила я, когда мы остались вдвоём. — Пока мы кланяемся, убийца может нанести новый удар.

— Убийца не дурак, — он подошёл к окну, и свет упал на его лицо, осветив усталость, которую он так старательно прятал. — Он не будет действовать, пока дворец на осадном положении. Сейчас — самое безопасное время.

— Или самое опасное, потому что все расслабились.

Он обернулся. Взгляд — тяжёлый, испытующий.

— Ты всегда видишь худшее?

— Я пытаюсь выжить.

— Тогда готовься к завтрашнему испытанию. Леди Ирма не прощает ошибок.

Ночь я провела с книгами. Лисса принесла свитки по истории империи — имена императоров, даты битв, гербы королевств. Пергамент пах пылью и временем. Голова шла кругом от бесконечных «Эрдиев», «Торнвудов» и «Вэлшеров», тянувшихся сквозь двадцать пять столетий.

— Две с половиной тысячи лет, — простонала я, отодвигая очередной свиток. — Как можно запомнить всё это за одну ночь?

— Другие принцессы учили историю с детства, — вздохнула Лисса, поправляя фитиль в лампе. — Для них эти имена — как имена родственников.

— Значит, я в пролёте.

— Вы умнее, чем кажется.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

Я усмехнулась и снова взялась за свиток. Бесполезно. Я не запомню сотни имён и тысячи дат за несколько часов. Нужно другое — не зубрёжка, а смекалка.

— Лисса, если я не знаю ответа, что лучше: молчать или врать?

Она задумалась.

— Леди Ирма ненавидит враньё. Но и молчание не любит.

— Значит, буду говорить правду. Что я из другого мира и не обязана знать вашу древнюю историю.

— Это не понравится императору.

— Императору ничего не нравится. Привыкла.

Лисса покачала головой, но спорить не стала.

На рассвете нас собрали в большом зале. Свет из высоких окон ложился на полированный пол холодными прямоугольниками, но не согревал. Леди Ирма стояла у трона, и в её руках поблескивал хрустальный кубок — не один, а целая связка кубков на серебряном подносе.

— Прежде чем мы начнём, — произнесла она, и её голос разнёсся под сводами, как треск льда, — император повелел принять меры против нечестности. В прошлые годы принцессы перешёптывались, копировали ответы, выдавали чужие знания за свои. Этому придворному театру пришёл конец.

Она взяла с подноса первый кубок и протянула Женеьеве.

— Зелье правды. Выпейте. Оно не причинит вреда, но не позволит вам произнести то, чего вы не знаете наверняка. Ложь или повторение чужих слов вызовут магический отклик. Стыдливый.

Женеьева усмехнулась, приняла кубок и осушила его одним глотком. Её глаза на мгновение вспыхнули синим и погасли.

Брунхильда выпила молча, как воду. Селеста — с дрожью в пальцах, но не отступила. Принцесса Акварики, Игнис, остальные — каждая проглотила свою порцию прозрачной, ничем не пахнущей жидкости.

Когда кубок дошел до меня, я посмотрела внутрь. Зелье было чистым, как слеза, но на дне мерцала крошечная искра — живая, пульсирующая.

— Пейте, принцесса, — поторопила леди Ирма. — Или вы боитесь правды?

Я боялась не правды. Я боялась, что правды во мне слишком мало.

Но выпила.

Жидкость обожгла горло — не холодом, не теплом, а чем-то третьим, похожим на разряд статического электричества. Я почувствовала, как язык стал тяжёлым, как свинец, а в груди поселилось странное, чужое присутствие. Будто кто-то невидимый уселся на плечо и приготовился ловить каждое моё слово.

Леди Ирма удовлетворённо кивнула.

— Теперь — первый вопрос. — Она развернула свиток и прочла: — Назовите имя основателя империи и время его правления.

Женеьева выпалила мгновенно, даже не задумавшись. Её голос звучал чисто, без помех — значит, она говорила правду:

— Император Эрдий Первый, объединивший семь королевств две с половиной тысячи лет назад.

— Верно.

Брунхильда ответила правильно — чётко, как на плацу. Принцесса Акварики — плавно, как вода. Игнис ошиблась на столетие, но леди Ирма засчитала — видимо, решила, что пламя заслуживает снисхождения.

— Принцесса Астерии? — леди Ирма посмотрела на меня, и в её глазах загорелся холодный огонь предвкушения.

Я открыла рот. Я хотела сказать то же, что Женеьева — «две с половиной тысячи лет назад».

Но вместо слов из моего горла вырвались зелёные пузыри.

Они светились — ядовито, ярко, как болотные огни — и вылетали из моих губ, лопааясь в воздухе с тихим, шипящим звуком. Пузыри пахли озоном и медью. Они плыли по залу, лениво кружась, и я не могла их остановить.

Принцессы захохотали. Женестьева приоткрыла рот — впервые я видела её по-настоящему удивлённой. Брунхильда нахмурилась. Селеста побледнела ещё сильнее, если такое было возможно.

— Вы повторили чужие слова, — леди Ирма произнесла это без злорадства, почти с сочувствием. — Зелье не пропускает заимствованное знание. Только то, что принадлежит вам. Отвечайте сами.

Я закрыла рот. Пузыри прекратились. Язык снова стал моим — но в голове была пустота.

— Я не знаю точной даты, — сказала я медленно, осторожно, чувствуя, как зелье внутри тестирует каждое слово на подлинность. — Я знаю, что основателя звали Эрдий Первый. Но сколько лет прошло — я не помню. Я из другого мира.

На этот раз пузырей не было. Зелье пропустило — потому что это была правда. Моя правда, пусть и позорная.

Леди Ирма поджала губы.

— Засчитываю как неполный ответ. Следующий вопрос. Кто был прапрапрадедом нынешнего императора и чем прославился?

Я сжала кулаки под столом. Это имя я не выучила. В свитках была такая путаница поколений, что я сдалась после пятого «Эрдия». Но Женестьева снова заговорила первой — легко, как о погоде:

— Император Эрдий Четвёртый, по прозвищу Беспощадный. Подавил восстание северных герцогов и укрепил границы.

— Верно.

Я даже не пыталась повторить. Я молчала, глядя в столешницу.

— Принцесса Астерии?

— Не знаю, — сказала я, и зелье молчало. Потому что это была чистая, незамутнённая правда.

— А зачем вам было учить родословную, если вы даже не потрудились запомнить основные имена? — Леди Ирма не скрывала разочарования.

— Я не волшебница. Моя память не бездонна. И я учила, но... — я запнулась, подбирая слова, которые зелье пропустит, — но я не успела. Потому что готовилась не только к истории. Ещё и к выживанию.

На этот раз пузырей не было. Только тишина.

Леди Ирма перелистнула страницу.

— Хорошо. Тогда третий вопрос, попроще. В каком году была подписана Великая хартия вольностей?

Я знала этот ответ. Я вычитала его в свитке, который Лисса положила сверху, и он почему-то запомнился. Я открыла рот.

— В 1243-м... — и осеклась. Пузыри не появились, но язык будто споткнулся о невидимую преграду. Я поняла: я не уверена. Я назвала наугад, а зелье знало, что это не твёрдое знание, а догадка.

Я выдохнула.

— Я не знаю точно. Не буду врать.

— Мудрое решение, — леди Ирма произнесла это без насмешки. — Ложь, произнесённая под зельем, вызывает удушье. Вы чуть не задохнулись.

Я похолодела. Значит, оно было ещё опаснее, чем я думала.

Вопросы сыпались один за другим. Женестьева блистала — каждое её слово проходило сквозь зелье, как игла сквозь шёлк, потому что она действительно знала. Брунхильда отве-

чала рублеными фразами, но без ошибок. Селеста справлялась с трудом, но честно — зелье не мешало ей, потому что она не пыталась украсть чужие ответы.

Я отвечала редко. Только на те вопросы, где была абсолютно уверена. Их оказалось четыре — из двадцати.

В конце леди Ирма объявила результаты.

— Лучшая — принцесса Женестьева. Худшая — принцесса Астерия.

— Неожиданно, — пробормотала я, и Женестьева, услышавшая это, злорадно усмехнулась.

— Если вы не знаете истории, вы не сможете править, — леди Ирма посмотрела на меня с холодной жалостью.

— Я и не собиралась править. Я собиралась выжить.

Леди Ирма не ответила. Но, уходя, бросила через плечо:

— Зелье правды останется в вашей крови до полуночи. Не пытайтесь врать даже в разговорах друг с другом. И не повторяйте чужих слов.

Я осталась сидеть, чувствуя, как внутри всё ещё пульсирует чуждая магия. Язык был свинцовым. А в голове крутилась одна мысль: если зелье не пропускает ложь и чужие знания, то как я смогу что-то скрыть? Как я смогу защитить себя?

Ответа не было.

После испытания в коридоре меня перехватила Женестьева.

— Ты позоришь всех невест, — сказала она, встав так, чтобы загородить проход. Её платье шелестело, как змеиная кожа. — Не знаешь истории, не умеешь кланяться, танцуешь как на деревенской свадьбе.

— Зато я жива. — Я посмотрела ей прямо в глаза, не моргая. — А Кристалия, которая всё знала, мертва.

Женестьева побледнела. Тень — быстрая, как удар кинжала — пробежала по её лицу.

— Ты намекаешь?

— Я констатирую факт. Знание не спасает от яда. И от падения в овраг — тоже.

Я обошла её и ушла, не оглядываясь. Спина горела от её взгляда — горячее, чем любой факел.

Вечером император вызвал меня в малый кабинет.

Комната без окон, с одним факелом на стене и тяжёлым дубовым столом, за которым пахло кожей и пылью веков. Он сидел в кресле, положив руки на подлокотники, и смотрел на меня из полумрака — как статуя, ожившая на мгновение.

— Ты провалила испытание, — сказал он без предисловий.

— Я не провалила. Я ответила на несколько вопросов.

— На четыре из двадцати. Леди Ирма в ярости.

— Леди Ирма всегда в ярости. Это её естественное состояние.

Он усмехнулся — коротко, одними уголками губ.

— У тебя есть месяц, чтобы выучить историю. От начала до наших дней. Две с половиной тысячи лет.

— А если не выучу?

— Тогда ты умрёшь не от яда, а от позора.

— Позором сыт не будешь. А ядом — тем более.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — не то уважение, не то недоумение.

— Ты не боишься выглядеть глупо?

— Боюсь выглядеть мёртвой. Всё остальное — терпимо.

- Странная ты, — он покачал головой. — Совсем не похожа на тех, кто был до тебя.
- Я из другого мира. У нас другие ценности.
- Например?
- Например, там не убивают невест ради трона.

Император замолчал. Тишина затянулась, стала плотной, как вода в глубоком колодце. Я слышала, как потрескивает факел, как бьётся моё сердце.

Потом он встал.

- Завтра второе испытание. Охота.

Я напряглась.

- Охота?

— Магическая. В лесу за дворцом. Вы будете искать артефакт. Тот, кто найдёт первым, получит преимущество в следующем этапе.

- А кто найдёт вторым?

— Ничего.

- А кто не найдёт?

— Ничего.

- Вы шутите?

— Император не шутит.

Холод пробежал по позвоночнику — от копчика до затылка.

- А если я откажусь?

— Отказ — смерть. Быстрая.

- А если я спрячусь?

— Найдут. И тоже смерть.

- Значит, у меня нет выбора.

— Ни у кого из вас нет выбора. — Он подошёл к двери, открыл её. В коридоре замерцали факелы. — Иди готовься.

Я вышла. В коридоре меня трясло — не от холода, от ярости и страха, смешавшихся в коктейль, который жёг горло.

- Лисса, — позвала я, когда служанка вынырнула из тени. — Что за охота?

— Говорят, в лесу водятся тени, — она побледнела, и в свете факелов её лицо стало похожим на восковую маску. — Их создаёт магия трона. Они не убивают, но могут заманить в ловушку. И сбить с пути.

- А артефакт?

— Камень. Он светится в темноте. Кто найдёт его первым, тот будет ближе к императору.

- А остальные?

— Остальные будут искать дальше. Или потеряют шанс на то, чтоб стать фавориткой.

Я закрыла глаза. За веками — чёрный лес, голые ветви, тишина, в которой крик тонет, не родившись.

- Завтра я иду в лес. Если я не вернусь, скажи императору, что я его ненавижу.

— Вы вернётесь, ваше высочество.

- Откуда такая уверенность?

— Вы живучая.

Я усмехнулась. Горько, одними губами.

- Это правда.

Ночь я не спала. Ворочалась на жёстких простынях, смотрела в потолок, где плясали тени от догорающей лампы. Лес. Тени. Артефакт. И другие принцессы, каждая из которых хочет выжить — и, возможно, готова убить, чтобы выжить.

На рассвете нас собрали у ворот.

Небо было серым, как свинец. Луны скрылись — или просто спрятались за тучами. Жене-вьева стояла в охотничьем костюме цвета мха, с серебряной вышивкой на воротнике. Брунхильда — в чёрном, с мечом на поясе и кинжалом за голенищем. Селеста — бледная, в сером платье, слишком тонком для леса. Принцесса Аквариум — в синем, с серебряной диадемой, которая казалась неуместной среди ветвей. Игнис — в красном, с огненно-рыжими волосами, распущенными по плечам.

Император стоял на крыльце, заложив руки за спину. Ветер трепал полы его мундира.

— Артефакт спрятан в лесу. Вы должны найти его до заката. Тот, кто принесёт камень, получит право на личную встречу со мной.

— А остальные? — спросила Игнис. В её голосе не было страха — только вызов.

— Остальные будут ждать следующего испытания. — Он помедлил. — Или умрут в лесу.

— Вы не можете нас убить!

— Я не убиваю. Лес убивает. Тени убивают. Голод убивает. Холод убивает.

Он махнул рукой. Ворота открылись с протяжным скрипом, который эхом разнёсся по двору, отразился от стен и ушёл в чащу.

Принцессы шагнули в лес.

Лес встретил нас тишиной.

Не тишиной покоя — тишиной могилы. Ни птиц, ни ветра. Ни шелеста листьев, ни треска сучьев под ногами. Деревья стояли чёрные, с голыми ветвями, тянущимися к небу, как пальцы утопленников. Трава под ногами была серой, как пепел. Воздух не пах ничем — ни хвоей, ни грибами, ни прелью. Он был пустым. Стерильным. Мёртвым.

— Здесь что-то не так, — прошептала Селеста, прижимаясь ко мне плечом. Её голос дрожал.

— Всё так, — ответила я, хотя внутри всё кричало об обратном. — Это испытание.

— Мы умрём.

— Не мы.

Мы пошли вглубь. Жене-вьева свернула налево, не оглядываясь. Брунхильда — направо, положив руку на эфес. Остальные разбрелись кто куда — каждая выбрала свою тропу, свою смерть или свой триумф.

Я и Селеста держались вместе.

— Нужно найти камень, — сказала я, оглядываясь по сторонам.

— Где?

— Не знаю. Но он светится. Значит, в темноте его видно.

Лес становился гуще. Ветви сплетались над головами в чёрный шатёр, сквозь который не пробивался даже серый свет утра. Воздух стал тяжёлым, спрессованным, как в подземелье под библиотекой. Я чувствовала, как каждый вдох даётся с трудом.

— Смотри, — Селеста указала вперёд.

В траве что-то мерцало. Слабый голубой свет — пульсирующий, живой, как сердце пойманной птицы.

Я подошла ближе. Камень. Маленький, холодный, размером с лесной орех. Он лежал на подстилке из серого мха и дышал — свет то разгорался, то угасал.

— Мы нашли, — прошептала Селеста.

— Бери.

Я протянула руку.

И в этот момент из-за дерева вышла Жене-вьева.

— Отдай, — сказала она, и в её голосе не было просьбы — только приказ, подкреплённый остриём, которое она уже держала в руке. — Камень мой.

— Ты не нашла его.

— Я догнала вас. Этого достаточно.

Она вытащила кинжал — тонкий, острый, с гравировкой в виде змеи. Тот самый, что блестел в подземелье, когда мы стояли над сундуками мёртвых императриц.

— Не глупи, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Убийство во время испытания — смерть.

— Кто узнает? Лес скроет.

— Я узнаю.

Из тени шагнула Брунхильда. Меч в её руке блеснул серым металлом, отразив даже тот скудный свет, что пробивался сквозь кроны.

— Оставь их, Женестьева.

— Ты защищаешь седьмую?

— Я защищаю честь. — Брунхильда встала между нами, и её голос зазвенел, как натянутая тетива. — Убивать беззащитных — не по-воински.

Женестьева замерла. Её глаза метнулись от Брунхильды к камню в моей руке, потом обратно.

— Ладно. — Она спрятала кинжал в ножны, но пальцы ещё долго не отпускали рукоять. — Но камень мой.

— Нет, — я сжала его так, что холод проник в ладонь и пополз по венам. — Мы нашли его первыми.

— Тогда докажите, что достойны.

— Как?

— Бой.

Я посмотрела на свои руки. Пустые. Беспомощные. Без кинжала, без меча, без магии.

— Я не умею драться.

— Тогда умри.

Брунхильда шагнула вперёд, заслоняя меня собой. Её меч поднялся.

— Я буду драться за неё.

— Это не по правилам.

— Это по правилам чести.

Женестьева усмехнулась — криво, с горечью.

— Ладно. Твоя взяла.

Она развернулась и ушла, растворившись в сером сумраке леса быстрее, чем я успела выдохнуть.

Я выдохнула. Дрожь прошла по телу — от пальцев до затылка, от затылка до пяток.

— Спасибо, — сказала я Брунхильде.

— Не благодари. — Она убрала меч в ножны, и лезвие щёлкнуло, закрываясь. — Я не ради тебя.

— А ради кого?

— Ради себя. Если бы я позволила ей убить тебя, я бы ничем не отличалась от того, кто убил Кристалию.

Она ушла — тяжёлым, уверенным шагом, не оглядываясь. Ветви смыкались за её спиной, как вода над утопленником.

Я осталась с камнем в руке.

— Пойдём, — сказала я Селесте. — Нужно вернуться до заката.

На выходе из леса нас встретил император.

Он стоял у ворот, скрестив руки на груди. Рядом — магистр Астор и трое стражников с алебардами. Небо за их спинами окрасилось в багровый — закат приближался.

— Ты нашла камень? — спросил он, глядя на меня.

— Не я, а мы.

— Покажи.

Я протянула камень.

Он взял его, повертел в пальцах, поднёс к свету факела. Потом усмехнулся — холодно, безрадостно.

— Это не тот камень.

— Как? — у меня внутри всё оборвалось.

— Настоящий светится красным. Этот — голубой. Подделка.

Я похолодела так, что, казалось, кровь застыла в жилах.

— Кто-то подменил его?

— Или ты ошиблась.

— Я не ошиблась. Он светился в траве. Голубым. Я видела своими глазами.

— Значит, кто-то подменил. — Он бросил камень на землю, и тот укатился в пыль, потевшись среди серых камней мостовой. — Вы прошли испытание — вернулись живыми. Но не нашли артефакт. Никто не получит преимущества.

— А Женестьева? Брунхильда?

— Они не нашли ничего. Вернулись с пустыми руками.

— Значит, все вернулись?

Император помолчал. Потом сказал тихо — так тихо, что я едва расслышала:

— Не все.

Я посмотрела на лес. Чёрные деревья стояли недвижимо, как стражи у входа в преисподнюю.

— Кто?

— Принцесса Игнис.

— Что с ней?

— Её нашли в овраге. В ста шагах от тропы. Шея сломана. — Его голос был ровным, но я заметила, как напряглись его челюсти — желваки заходили под кожей. — Несчастный случай.

Внутри меня всё оборвалось. Вторая смерть. Игнис — огненная, дерзкая, бесстрашная. Сломала шею в овраге. Как будто просто споткнулась.

Как будто.

— Или убийство, — сказала я.

— Или убийство, — согласился он. — Я ищу.

— Вы ищете, а мы умираем. Сначала Кристалия. Теперь Игнис. Кто следующий? Селеста? Женестьева? Я?

— Я не знаю.

— Вы император. Вы должны знать.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — не то гнев, не то усталость. И, может быть, страх. Такой же, как у меня.

— Иди, — сказал он. — Отдыхай. Завтра будет новое испытание.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Плащ развевался за его спиной, как крыло ночной птицы.

Я осталась стоять у ворот.

Лес молчал. Ветви не шевелились. Тени застыли, как на картине.

— Кто следующий? — прошептала я в пустоту.

Никто не ответил.

Селеста подошла и взяла меня за руку. Её пальцы были холодными, как лёд.

— Идём, — сказала она. — Здесь больше нечего делать.

Мы пошли к дворцу. За нашими спинами лес стоял чёрный, безмолвный, полный теней, которые, возможно, были тенями мёртвых принцесс.

Я не обернулась.

Но поклялась себе — найти убийцу.
Иначе в следующий раз в овраге найдут моё тело.

Глава 13. Падение

Смерть принцессы Игнис расколола двор надвое. Одни шептались о несчастном случае — оступилась, упала в овраг, свернула шею. Другие клялись, что видели тень, скользнувшую между деревьями, и слышали крик, оборвавшийся слишком быстро. Третьи просто молчали и боялись, потому что страх стал главным обитателем этих стен — он спал в каждой нише, дышал из каждой трещины, высасывал тепло из каминов.

Я не верила в несчастные случаи. Кристалию отравили на балу, среди сотен гостей. Игнис упала в лесу, где каждый шаг мог стать последним. Две смерти за несколько дней. Ни одной улики. Ни одного свидетеля, который видел бы лицо убийцы. Только страх. Только паранойя, которая разрасталась, как плесень во тьме.

— Лисса, — спросила я, когда вернулась в покои после объявления результатов охоты, — что говорят об Игнис?

— Говорят, она поссорилась с Женевьевой перед выходом, — служанка говорила шёпотом, будто стены могли выдать её слова врагам. — Слышали несколько человек. Женевьева угрожала ей. Громко, при свидетелях.

— Женевьева угрожает всем. Это не доказательство.

— А ещё говорят, что герцог Торнвуд ещё до начала охоты интересовался, кто из принцесс пойдёт в какую сторону. Он подходил к стражникам, к слугам, к егерям. Задавал вопросы. Запоминал ответы.

Я напряглась. Холодок пробежал по спине, хотя в комнате полыхал камин.

— Кто ему сказал?

— Не знаю. Но слуги шепчутся, что у него везде свои глаза и уши. Что он знает о дворце больше, чем император. Говорят, даже стены имеют уши, когда герцог шепчет.

— Значит, он мог знать, где будет Игнис. И подстроить падение.

— Или просто наблюдать, — Лисса пожала плечами, но в её глазах застыл ужас. — Он всегда наблюдает. Даже когда кажется, что он смотрит в другую сторону.

Я задумалась. Герцог. Сесилия. Женевьева. У каждого был мотив. Но у кого — возможность? И кто выиграет, если все невесты умрут до свадьбы? Кто сядет на трон, если император останется без наследницы?

— Завтра я пойду в тайную библиотеку, — сказала я, принимая решение. — Нужно найти записи Лилианы. Может быть, она что-то знала о герцoge. Или о том, кто за всем этим стоит.

— Ваше высочество, это безумие, — Лисса побледнела так, что веснушки на её лице стали похожи на пепел. — После смерти Игнис дворец кишит стражниками. Император приказал усилить патрули. Вас могут заметить. И тогда...

— Тем более. Никто не ожидает, что я полезу в библиотеку сейчас, когда все ждут, что я буду сидеть тихо и бояться. Убийца ждёт, что я спрячусь. А я пойду туда, куда он не посмеет сунуться.

Лисса вздохнула, но спорить не стала. Она уже поняла — меня невозможно переубедить, когда я что-то решила. Она лишь перекрестилась этим странным своим жестом.

Ночь выдалась тёмной, как дно колодца. Луны спрятались за тяжёлыми тучами, которые пригнал ветер с севера — холодный, колючий, пахнувший снегом, хотя до зимы было ещё далеко. Я кралась по коридорам, сливаясь с тенями, стараясь не стучать каблуками. Сердце колотилось где-то в горле, и каждый шорох казался шагами стражи. Каждый скрип половицы — окриком караульного.

Я выбрала время между сменами караула — Лисса разузнала, когда стражники уходят на ужин. Десять минут тишины. Десять минут, чтобы пробраться в западное крыло. Десять минут, отделяющих меня от правды — или от смерти.

Западное крыло. Старый гобелен с охотничьей сценой, который никто не трогал десятилетиями. Я отодвинула ткань — пыль полетела в лицо, защекотала ноздри — нажала на потайной рычаг, тот самый, который нашла в прошлый раз. Стена бесшумно отъехала, открывая чёрный зев лестницы. Из проёма пахнуло пылью, сыростью и чем-то сладковатым — запахом старых трав, которые клали между страницами, чтобы отпугнуть жуков. И ещё чем-то — железом? кровью? — я не стала вслушиваться.

Внизу я зажгла магический фонарь, который дал мне Астор. Свет был тусклым, желтоватым, едва достаточным, чтобы не споткнуться о ступени, но лучше, чем ничего. Стеллажи уходили вверх, теряясь в темноте. Тысячи книг, свитков, карт. Молчаливые свидетели веков. Могильщики забытых тайн.

Я прошла к сундуку Лилианы. Открыла крышку — та заскрипела, будто жалуясь на беспокойство, будто мёртвая императрица не хотела, чтобы её секреты тревожили.

Я взяла пачку писем, перевязанных шёлковой лентой. Пальцы дрожали, когда я развязывала узел. Первое письмо было адресовано императору. Лилиана писала о любви — исступлённой, безнадёжной, о страхе — липком, как смола, о проклятии, которое висело над ними обоими. Ничего нового — то же, что я уже читала в дневнике.

Второе — подруге. Жалобы на одиночество, на тоску по дому, на то, что она не может доверять даже служанкам, потому что каждая может оказаться шпионом. «Я считаю ложки перед сном, — писала она. — Чтобы знать, не отравили ли меня».

Третье... третье было без подписи. Бумага грубая, дешёвая, не такая, как остальные — серая, с рваными краями. И почерк другой — торопливый, нервный, будто писавший боялся, что его застанут, что пергамент вырвут из рук, что свеча погаснет слишком рано.

«Я знаю, что вы задумали. Если вы тронете императора, я расскажу всё. У меня есть доказательства. Ваши люди служат вам, но они не безмолвны. Я видела, как они приходили ночью. Я знаю их имена. Если со мной что-то случится, эти имена станут известны тем, кто не побоится говорить. Я всё записала. Я всё спрятала. Ищите — не найдёте.»

Я перечитала несколько раз. В письме не было имени адресата, но было ясно, что Лилиана кого-то шантажировала. Кого-то, кто имел власть. Кого-то, у кого были свои люди во дворце. Кого-то, кто не боялся убивать.

Герцога? Сесилию? Или кого-то из советников — тех, кто сидит в тени трона и ждёт, когда император споткнётся?

Я спрятала письмо за пазуху, рядом с сердцем. Оно было тёплым — или это моя кровь вдруг стала горячей?

И в этот момент услышала шаги.

Кто-то спускался по лестнице. Медленно, осторожно, но уверенно — ни секунды сомнения, ни одного лишнего звука. Не слуга — слуги не ходят так тихо, они шаркают и кашляют. Не принцесса — у тех шаги легче, почти невесомые, как у балерин. Это были шаги хищника. Того, кто привык брать своё.

Я метнулась за стеллаж, затушила фонарь. Тьма стала абсолютной — такой плотной, что я чувствовала её кожей. В этой темноте каждый звук казался оглушительным: моё дыхание — как ветер в ущелье, биение сердца — как барабан перед казнью.

Шаги приближались. В проходе показалась фигура. Высокая, в тёмном плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Человек остановился у сундука Лилианы, замер на мгновение, будто прислушиваясь к тишине.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой, которую я узнала бы из тысячи. Голос человека, который слишком много видел и слишком мало говорил. — Выходи.

Я не двинулась. Затаила дыхание, прижалась спиной к холодным книгам. Корешки впились в позвоночник через тонкую ткань платья. Я молилась всем богам, которых не знала, чтобы он прошёл мимо.

— Выходи, или я вытащу тебя силой. — В голосе появились стальные нотки. — Мне не хотелось бы делать это, но я не оставлю тебя здесь. Не в этот раз.

Я выдохнула — тихо, сквозь зубы — и шагнула из укрытия. Света не было, но я чувствовала его взгляд — тяжёлый, изучающий, как прикосновение лезвия.

— Герцог, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы меня выследили?

— Принцесса, — он не удивился. Совсем. — Я ждал тебя. Знал, что ты придёшь. Любопытство — твоя слабость. И твоя сила.

— Следили?

— Догадывался. Ты любопытна, как кошка. Это погубит тебя рано или поздно.

— А вы? Что вы здесь делаете?

— Ищу то же, что и ты. Правду.

— О Лилиане?

— О заговоре, который старше неё. Который тянется через века, как гнилая нить.

Он подошёл ближе. Я зажгла фонарь — тусклый свет упал на его лицо, вырезанное из камня: острые скулы, глубокие морщины, глаза, в которых не читалось ни жалости, ни злобы. Только усталость. Бесконечная, всепоглощающая усталость человека, который нёс на плечах слишком много тайн.

— Отдай письмо, которое ты нашла, — сказал он, протягивая руку.

— Нет.

— Оно опасно. Не для меня — для тебя. Для всех, кто его прочитает.

— Тогда объясните, что в нём такого опасного. Почему вы преследуете меня в подземелье? Почему не сказали императору?

— Не здесь. Не сейчас. — Он оглянулся на лестницу, будто ждал кого-то. — Здесь слишком много ушей. Даже у стен есть языки, когда речь идёт о власти.

— Я не отдам.

— Глупая девочка, — он покачал головой, и в этом жесте было столько горечи, что я на секунду почти поверила ему. — Ты не понимаешь, во что ввязалась. Ты играешь с огнём, который сжёт не одну жизнь.

— Тогда объясните. Сейчас. Здесь.

— Я не могу. Не здесь. Не сейчас. — Он развернулся, плащ метнулся, как крыло ночной птицы. — Но берегись. Те, кто читал это письмо, не доживали до утра.

Он ушёл. Шаги затихли на лестнице, потом стихли совсем.

Я осталась стоять, прижимая письмо к груди. Ноги дрожали, руки тряслись. «Что он здесь делал? Зачем ему письмо? И почему не отобрал силой — он сильнее, у него есть люди, он мог?»

Вопросов стало больше, чем ответов. Гораздо больше.

Наверх я поднялась, когда начало светать. Серый рассвет пробивался сквозь высокие окна, бросая на пол длинные, искажённые тени. Коридоры были пусты — только стражники в дальнем конце, которые не заметили меня, или сделали вид, что не заметили.

Я вернулась в покои, заперла дверь на засов. Лисса сидела в кресле, не раздеваясь, с кинжалом в руке — она ждала меня всю ночь.

— Лисса, — прошептала я, падая на кровать, — герцог был в библиотеке. Он знает, что я там была.

— Что он сделал? — она прижала свободную руку к груди.

— Ничего. Просто попросил отдать письмо. А когда я отказалась, ушёл.

— Странно, — Лисса нахмурилась, отложила кинжал. — Очень странно. Он мог отобрать силой. Он сильнее. У него люди в стражниках.

— Значит, не хотел. Или не мог.

— Или не хотел оставлять следов. Если бы он убил вас в библиотеке, это было бы слишком очевидно. Даже для герцога.

Я не спала до утра. В голове крутились письма, голос герцога, его слова: «Ты не понимаешь, во что ввязалась». Я чувствовала, что стою на пороге чего-то важного, но не могла понять, где искать следующий шаг. Тьма сгущалась вокруг меня, и каждый новый ответ рождал десяток вопросов.

— Лисса, кто был ближе всех к Лилиане?

— Её служанка. Но она исчезла вместе с ней. Говорят, её убили, чтобы она не говорила. Или она сбежала с хозяйкой. Никто не знает.

— А кто из ныне живущих мог знать её?

— Магистр Астор. Он служит императору уже пятьсот лет. Он был здесь, когда Лилиана жила во дворце. Он видел всё.

— Он может знать правду.

— Он никому не скажет. — Лисса покачала головой. — Он верен императору. И он не любит говорить о прошлом. Говорят, он поклялся молчать.

— Тогда я спрошу императора.

— Он не ответит. Он никогда не отвечает на вопросы о Лилиане. Это запретная тема. Даже при дворе.

— Тогда я найду другой способ. Всегда есть другой способ.

Утром император собрал всех принцесс в малом зале.

Траур по Игнис ещё не объявили, но слуги уже сменили цветы в вазах на белые лилии — холодные, бездушные, пахнувшие смертью. Воздух в зале был спрессованным, как перед грозой.

— Сегодня вечером — малый приём, — сказал он, обводя нас взглядом, в котором не было ни капли тепла. — Вы будете общаться с придворными. Покажете, что достойны трона. Что смерть не сломила вас.

— После двух смертей? — спросила Женестьева, не скрывая сарказма. Её голос звенел, как натянутая струна.

— После двух смертей вы должны показать, что не боитесь. — Император сделал паузу, и тишина стала плотной, как вода. — Страх — плохой советчик. Трус не может править. А вы — будущие императрицы. Или мёртвые принцессы. Выбирайте.

Я заметила, как Сесилия смотрит на меня. Взгляд холодный, пристальный, как у змеи перед броском. Она стояла у колонны, перебирая веер, и её пальцы двигались слишком быстро — нервно, судорожно.

После собрания она подошла ко мне. Близко — слишком близко. Я чувствовала запах её духов — розы и что-то горькое, миндальное.

— Ты была в библиотеке, — сказала она тихо, почти не разжимая губ. Её голос был шёпотом, но в нём слышалась сталь. — Я знаю.

— Следили?

— У меня везде глаза. — Она усмехнулась — холодно, безрадостно. — Ты не можешь сделать шаг, чтобы я не узнала. Ты не можешь вздохнуть, чтобы кто-то не донёс.

— Что вам нужно?

— Предупредить. Герцог опасен. Не доверяй ему. Он не тот, кем кажется. Никто из нас не тот, кем кажется.

— А вам доверять?

— Мне — нет. — Она открыла веер, спрятала лицо за кружевом. — Но я хотя бы не вру. Я не убиваю. Я просто наблюдаю. И жду.

Она ушла, оставив после себя запах роз и чего-то горького — как миндаль, как предчувствие смерти.

Я осталась стоять в растерянности. «Сесилия предупреждает о герцоге. Герцог предупреждает о письме. Кому верить? Или не верить никому?»

Вечером — малый приём.

Зал утонул в свете сотен свечей. Золотые канделябры отражались в чёрном мраморном полу, создавая иллюзию, что мы танцуем на звёздном небе. Придворные в роскошных нарядах, послы в национальных костюмах, военачальники в парадных мундирах — все они улыбались, кланялись, шептались. И ни одна улыбка не была искренней. Ни один взгляд — открытым.

И семь принцесс — уже не семь. Кристалия и Игнис остались в прошлом. Их портреты в галерее затянули чёрным крепом, и мне казалось, что их глаза следят за мной из-под траурной ткани.

Я чувствовала на себе взгляды. Кто-то жалел, кто-то боялся, кто-то ненавидел. Я прошла к столу, взяла бокал с водой — вино пить не хотелось. Слишком много яда разлито в этих стенах.

— Ваше высочество, — раздался голос за спиной.

Я обернулась. Молодой лорд с русыми волосами и бледным лицом — такое бледное, что казалось, он не спал несколько ночей. В его глазах — напряжение. Руки дрожат, хотя он старается их спрятать.

— Выпейте за здоровье императора, — он протянул мне бокал с вином. Вино было тёмно-рубиновым, пахло вишней — сладко, приторно.

Я взяла бокал. Посмотрела на лорда. Он не пил. Только смотрел. В глазах — что-то, похожее на страх. Или на сожаление.

— А вы? — спросила я.

— Я уже пил, — он улыбнулся. Улыбка была слишком широкой, слишком фальшивой. Улыбка человека, который врёт и знает, что его могут раскусить.

— Тогда выпейте со мной. За компанию.

Он побледнел ещё сильнее. Замялся. Потом взял со стола другой бокал и отпил глоток. Его рука дрожала. Вино пролилось на манжету.

Я сделала вид, что поверила. Поставила свой бокал на стол.

— Что-то не хочется. Голова болит.

Лорд дёрнулся, будто его ударили.

— Но, ваше высочество, это обида для императора. Вы должны выпить за его здоровье.

— Император не обижается на тех, кто бережёт свою жизнь. — Я отвернулась. — Передайте ему мои извинения.

Я отошла к окну, чувствуя на спине его взгляд. Лисса тут же оказалась рядом.

— Проверь вино в том бокале, — шепнула я, не оборачиваясь.

Лисса исчезла, растворилась в толпе. Вернулась через минуту — бледная, с трясущимися руками.

— Яд, ваше высочество. Тот же, что убил Кристалию. Звёздная лилия.

— Кто этот лорд?

— Лорд Мортон. Племянник леди Сесилии.

Я похолодела. По спине пробежал холод, который не имел ничего общего с температурой в зале. Значит, Сесилия пыталась отравить меня. Или её подставляют — снова, как подставляли Селесту.

— Ваше высочество, вы слишком доверчивы, — прошептала Лисса.

— Я не доверчива. Я просто не хочу ошибиться. Слишком много теней. Слишком много отражений.

Я посмотрела в сторону Сесилии. Та стояла у окна, разговаривала с посланцем из Вердо-нии. Спокойная, красивая, смертельная. Её лицо не выражало ничего, кроме скуки. Идеальная маска.

— Не спускай с неё глаз, — сказала я Лиссе.

— А вы?

— А я пойду проветрюсь. Слишком душно.

Я вышла из зала. В коридоре было прохладно — сквозняк гулял между каменных стен, гасил факелы. Я направилась к лестнице, ведущей в нижний холл. Нужно было собраться с мыслями. Нужно было понять, что делать дальше.

Лестница была широкой, мраморной, с коваными перилами. Ступени уходили вниз, в полумрак. Внизу горело несколько факелов, отбрасывая на стены пляшущие тени.

Я сделала первый шаг.

Второй.

Третий.

И в этот момент чьи-то руки толкнули меня в спину.

Толчок был сильным, неожиданным, рассчитанным. Не споткнулась — меня толкнули. Я почувствовала ладони между лопаток, жёсткие, уверенные. Потеряла равновесие. Пол ушёл из-под ног.

Время растянулось, как резина.

Я летела вниз лицом, и каждая ступень приближалась с чудовищной медленностью. Я видела мраморные плиты, трещины между ними, пыль в углах. Слышала, как крик застревает в горле, не успевая вырваться наружу. Чувствовала, как воздух свистит в ушах.

«Это конец», — успела подумать я. — «Вторая попытка. Теперь удалась».

Но в следующий миг пространство передо мной содрогнулось.

Воздух вспыхнул серебром — ослепительным, живым, пульсирующим. Из ниоткуда возникла фигура. Высокая, в чёрном мундире, с железной короной на голове. Император.

Он появился между мной и полом — материализовался из магии, из воздуха, из самой тьмы. Его руки обхватили меня прежде, чем я успела удариться о камень. Сильные, тёплые, живые. Они поймали меня за секунду до того, как смерть успела бы сомкнуть челюсти.

Я упала на него — всем телом, всем весом. Он покачнулся, но устоял. Прижал меня к себе так крепко, что я слышала биение его сердца — ровное, спокойное, хотя моё, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

— Тихе, — прошептал он мне в волосы. — Тихе. Я здесь.

Я не могла говорить. Не могла дышать. Только чувствовала его руки — на спине, на талии, на затылке. Они держали меня так, будто я была единственной реальной вещью во всём мире.

— Вы... — прохрипела я. — Как вы... откуда...

— Я почувствовал, — сказал он. — Когда тебя толкнули. Я почувствовал твой страх. Он ударил по мне, как молния. Я переместился через магию крови. Это запрещённый ритуал. Он стоил мне части силы. Но я успел.

Он не отпускал меня. Я не пыталась высвободиться. Мы стояли на лестнице, обнявшись, а сверху доносилась музыка, смех, звон бокалов — жизнь продолжалась там, наверху, не замечая, что только что смерть прошла в миллиметре от меня.

— Кто? — спросил он, и в его голосе зазвенел металл. — Кто толкнул?

— Не знаю. Я не видела. Сзади.

— Я найду. — Он отстранился, заглянул мне в лицо. Его глаза горели — не гневом, чем-то другим, более глубоким. — Клянусь троном. Я найду и убью.

— Вы не можете убить без доказательств, — прошептала я. — Вы сами говорили.
— Могу. Если посмеют тронуть тебя — могу. И буду.

Он взял меня за руку и повёл вверх по лестнице, мимо замерших стражников, мимо вытаращивших глаза слуг. В зал мы не вернулись — он свернул в боковой коридор, в малый кабинет.

Там он усадил меня в кресло, налил воды, заставил выпить. Сам сел напротив, не сводя с меня глаз.

— Сегодня ночью ты будешь спать в моих покоях, — сказал он. Не спросил — сказал.

— Что? — я поперхнулась водой. — Это неприлично.

— Это безопасно. — Его голос не терпел возражений. — Никто не посмеет напасть на тебя там. Никто не сможет даже приблизиться.

— А что скажет двор?

— Двор будет молчать. Или умрёт. Мне всё равно.

— А Сесилия?

— Мне плевать на Сесилию. — Он подошёл ближе, сел на край стола, глядя на меня сверху вниз. — Я не могу потерять ещё одну.

— Ещё одну?

Он не ответил. Но я поняла.

— Я не боюсь. — Он провёл рукой по лицу — жест усталости, который он редко себе позволял. — Я просто не хочу повторения. Не хочу смотреть, как умирает ещё один человек, который... который мне не безразличен.

— Я не умру, — сказала я, и в моих словах прозвучала уверенность, которой я не чувствовала. — Я живучая. Лисса говорит.

— Лисса умная девушка. — Он почти улыбнулся. — Но даже живучих убивают, если достаточно стараются.

— Тогда помогите мне найти убийцу.

— Помогу. — Он встал, протянул мне руку. — Идём. Тебе нужно отдохнуть. Завтра будет новый день. И новое испытание.

Я взяла его руку. Его пальцы сомкнулись вокруг моих — тёплые, надёжные.

Мы вышли из кабинета. Коридоры были пусты. Только тени плясали на стенах, и мне казалось, что среди них — одна, лишняя, которая следит за каждым нашим шагом.

Ночь в императорских покоях была странной.

Комната оказалась неожиданно скромной — никакой роскоши, только массивная кровать под балдахином, камин, в котором потрескивали дрова, и большое окно с видом на две луны. Красную и зелёную. Они смотрели на меня, как два глаза, которые никогда не закрываются.

Он спал в кресле у камина, не раздеваясь, положив руки на подлокотники. Я лежала на кровати, глядя в потолок, где были вырезаны звёзды. Настоящие звёзды, из чёрного дерева, инкрустированные серебром.

— Вы не спите? — спросила я тихо, чтобы не нарушать тишину.

— Я не сплю уже триста лет, — ответил он, не открывая глаз. Голос его звучал глухо, будто из глубокого колодца.

— Никогда?

— Редко. Сны плохие.

— О Лилиане?

Он не ответил. Долго молчал, и я уже решила, что он не скажет ничего.

— О ней, — произнёс он наконец. — И о других. О тех, кого я не смог спасти.

— Вы её любили, — сказала я. — По-настоящему.

— Любил. И она умерла.

— Поэтому вы боитесь любить снова?

— Я не боюсь. — Он открыл глаза, посмотрел на меня. В его взгляде не было льда — была боль. — Я просто не хочу повторения. Не хочу смотреть, как умирает ещё один человек, который мне дорог.

— А если я не умру? — спросила я, и сердце замерло в ожидании ответа.

— Тогда посмотрим. — Он закрыл глаза, и разговор был окончен.

Я закрыла глаза. В голове крутились его слова, взгляд, голос. И толчок в спину. И руки, поймавшие меня в полёте.

Уснула я под утро. И мне приснилась Лилиана. Красивая, печальная, с бирюзовыми глазами — такими же, как у меня теперь. Она стояла на лестнице — на той самой, с которой меня толкнули — и смотрела вниз.

— Беги, — прошептала она. — Пока не поздно.

— Куда? — спросила я во сне.

— От него. От них. От всего этого.

— Я не могу.

— Тогда умри.

Она шагнула в пустоту и исчезла, растворилась в темноте.

Я проснулась в холодном поту.

Рядом никого не было. Кресло у камина пустовало. Только догорающие угли напоминали, что здесь кто-то был. Только запах его одеколona — кожа, дым, древняя магия — остался на подушке.

Я села на кровати, обхватила колени руками.

«Что это было? Предупреждение? Пророчество? Или просто кошмар?»

Я не знала. Но одно я поняла точно: выбора у меня нет. Только вперёд. Только выжить.

Потому что если я умру — он потеряет ещё одну.

А я не хочу становиться ещё одной тенью на его совести.

Вопрос от автора для комментариев:

? Элиану толкнули с лестницы, император спас её с помощью магии крови. Кто за этим стоит — Сесилия, герцог или кто-то из принцесс? И почему император так рискует, используя запрещённый ритуал?

Пишите в комментариях!

Глава 14. Под защитой Императора

Утро в императорских покоях пришло не со светом — с серой, давящей тишиной. Солнце не решилось пробиться сквозь тяжёлые шторы, и в комнате царил полумрак, в котором каждая тень казалась живой, каждый угол — укрытием для невидимого врага. Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на пустое кресло у камина. Догорающие угли слабо розовели в пепельной тьме — последнее напоминание о том, кто провёл здесь ночь.

Он ушёл. Не попрощался. Не оставил записки, ни единого знака. Только запах его одеколона — кожа, дым и древняя магия — ещё держался на подушке, растворяясь с каждой минутой. Я вдыхала его, пока он не исчез совсем. Потому что это было единственное доказательство, что вчерашнее спасение — не сон.

— Ваше высочество, — раздался приглушённый дверью голос Лиссы. Она не стучала громко — боялась привлечь внимание. — Вы проснулись?

— Да, — я встала, поправила платье, в котором провела эту бесконечную ночь. Ткань помялась, швы натянулись — но это было лучшее платье в моей жизни. Потому что я была в нём жива. — Входи.

Лисса проскользнула внутрь, как тень, и тут же задвинула засов. Её глаза обежали комнату — кресло, камин, кровать — с выражением, в котором смешались любопытство и ужас. Будто она ожидала увидеть здесь следы чего-то большего, чем просто спасение.

— Во дворце уже шепчутся, — сказала она, помогая мне привести одежду в порядок. Её пальцы дрожали, когда она поправляла воротник.

— О чём? — спросила я, хотя знала ответ. В этом дворце ветер всегда дул в одну сторону — туда, где пахло скандалом.

— О том, что вы провели ночь в покоях императора. Говорят, вы стали его фавориткой. — Лисса понизила голос до шёпота. — Некоторые называют вас «седьмой, которая заползла в постель к зверю».

— Это не так. Он просто защищал меня. После того как меня толкнули с лестницы.

— Двор не разбирает оттенков, ваше высочество. Для них вы — любовница императора. Или охотница за троном. Или ведьма, которая приворожила его. Выбирайте любое обвинение — все уже в ходу.

Я вздохнула. Воздух вышел из лёгких с таким усилием, будто я выдыхала не газ, а куски свинца. Мне не нужны были новые враги — старые уже стояли в очереди с ножами. Но похоже, они появились сами собой, как грибы после дождя.

— Что говорит Сесилия?

— Молчит. — Лисса помогла мне застегнуть платье, и корсет сжал рёбра, напоминая, что я всё ещё жива. — Но её подружки уже распускают слухи. Говорят, вы охотитесь за троном. Говорят, вы сами подстроили покушение, чтобы привлечь внимание императора.

— Красивая версия. — Я горько усмехнулась. — Жаль только, что для этого нужно было рисковать жизнью.

— Некоторые рискнут чем угодно ради власти.

— Я не некоторые. Мне нужно выжить, а не нравиться. И не править.

Лисса закончила с застёжками, и мы вышли в коридор. Стражники у дверей императорских покоев — двое в чёрных плащах с золотыми львами на груди — смотрели на меня иначе, чем вчера. Не как на невесту, которую жалко. Не как на жертву, которую охраняют. А как на женщину, которая получила доступ к самому опасному человеку в империи. В их взглядах читалось нечто новое — не уважение, не презрение. Осторожность. Будто я стала частью пейзажа, к которому нельзя поворачиваться спиной.

— Проводите меня в мои покои, — сказала я, и они кивнули, не задавая вопросов.

Вернувшись к себе, я первым делом проверила, на месте ли письмо из библиотеки. Рука нырнула под матрас — пальцы нащупали шершавый пергамент. Я выдохнула. Оно было там. Тайна Лилианы, которая могла стоить мне жизни, лежала в сантиметре от моего тела. Я не знала, радоваться этому или бояться.

— Лисса, ты узнала что-нибудь о лорде Мортоне? — спросила я, не вынимая письма из тайника.

— Он исчез, ваше высочество. После вчерашнего бала его никто не видел. Ни слуги, ни стражники, ни родственники.

— Исчез? Или его убрали?

— Не знаю. Стражники обыскивают дворец. Заглядывают в каждый чулан, под каждую кровать. Но пока безрезультатно. — Лисса помедлила. — Говорят, его комната пуста. Вещи исчезли. Даже зубная щётка.

— Значит, у нас нет свидетеля, который подтвердил бы, что он подсунул мне яд.

— Нет.

Я сжала кулак. Ногти впились в ладонь, оставляя полумесяцы. Каждый раз одно и то же. Улики исчезают, свидетели пропадают, убийца остаётся в тени — и смеётся оттуда, поглаживая кинжал. Я чувствовала этот смех кожей. Он вибрировал в стенах, в полу, в воздухе, которым мы дышали.

— Тогда будем искать дальше, — сказала я. — Убийца оставляет следы. Всегда. Даже если ему кажется, что он идеален.

В полдень император прислал за мной. Не посыльного из свиты, не младшего стражника — личного телохранителя, того самого, с лицом, вырезанным из гранита. Это было необычно. Тревожно.

— Его величество ждёт вас в малом кабинете, — произнёс он, и в его голосе не было вопроса.

Я пошла, чувствуя на себе взгляды придворных. Они не прятались — смотрели открыто, оценивающе, с ненавистью, которая не нуждалась в маскировке. Кто-то шептался, прикрывая рот веером. Кто-то отворачивался, но слишком резко, слишком демонстративно. Кто-то улыбался — той улыбкой, которая хуже любого проклятия.

Император стоял у окна, спиной ко мне. В кабинете было темно — шторы задёрнуты, свечи не горели, только узкая полоска света из неплотно прикрытой портьеры падала на пол, выхватывая из мрака его силуэт. Он стоял неподвижно, как статуя, как памятник самому себе.

— Ты знаешь, что случилось? — спросил он, не оборачиваясь. Голос звучал глухо, с металлическим отзвуком.

— Лорд Мортон исчез. Сесилия молчит. Двор шепчется. — Я перечислила, как заученные пункты. — Меня называют вашей любовницей. И ведьмой. И охотницей за троном.

— Не только это. — Он повернулся. Свет упал на его лицо, и я увидела то, чего раньше не замечала: желваки ходили под кожей, глаза горели холодным, сдерживаемым пламенем. — Сесилия подала прошение совету. Она обвиняет тебя в том, что ты подставила её племянника. Говорит, что ты сама подсыпала яд в вино, а Мортон убили, чтобы он не мог оправдаться.

У меня перехватило дыхание. Воздух стал плотным, как вода на глубине.

— Это ложь, — сказала я. Голос не дрогнул — хотя внутри всё тряслось.

— Я знаю. — Он сделал шаг ко мне. — Но совет требует разбирательства. Они хотят суда.

— И что вы ответили?

Император подошёл ближе. Теперь я видела каждую морщину на его лице, каждый седой волос в бороде, каждую трещинку в усталости, которую он так старательно прятал.

— Я сказал, что суда не будет.

— Но совет...

— Совет будет молчать. — В его голосе зазвенел металл, от которого хотелось опустить глаза. — Или я заставлю их молчать.

Он резко развернулся, подошёл к двери, распахнул её так, что ручка ударилась о стену.

— Стража!

Двое стражников влетели в кабинет, застыв по стойке смирно. Их лица были бледными — они редко слышали императора в таком тоне.

— Приведите ко мне всех придворных магов. Немедленно. — Он говорил отрывисто, рубя слова, как палач — верёвку. — И удвойте охрану у покоев каждой принцессы. С этого момента никто не входит и не выходит без моего личного разрешения. Ни слуга. Ни посол. Ни советник.

Стражники выбежали, едва не споткнувшись о порог.

Император повернулся ко мне. В его глазах горел тот самый огонь, который я видела в день нашей первой встречи — когда он объявлял правила отбора, когда говорил, что шесть из нас умрут. Но теперь огонь был направлен не на нас. На убийцу.

— Я устал от игры в кошки-мышки, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая усталость, что мне стало страшно. — Убийца думает, что он умнее всех. Что он может убивать невест, срывать отбор, бросать вызов трону. Я докажу, что это не так.

— Что вы собираетесь делать? — спросила я, хотя боялась услышать ответ.

— Собрать всех магов. Приказать найти убийцу. Использовать всё — магию, допросы, пытки, если потребуется. — Он сжал кулаки. — Никто не смеет срывать отбор невест. Никто.

— А Сесилия?

— Если она виновна, я уничтожу её род. — Он сказал это так спокойно, будто речь шла о том, чтобы выбросить мусор. — Если нет — она докажет свою невиновность. Под присягой. Под магическим контролем. Под угрозой смерти.

Я смотрела на него и видела впервые не уставшего императора, не холодного правителя, а разгневанного мужчину, который готов растоптать любого, кто встанет на его пути. Это было страшно. Это было величественно. Это было неправильно — и совершенно правильно одновременно.

— Спасибо, — сказала я, и слово прозвучало слишком слабо для того, что я чувствовала.

— Не благодари. — Он отвернулся к окну. — Я делаю это не ради тебя.

— А ради кого?

— Ради империи. Ради порядка. Ради того, чтобы они знали: трон не терпит насмешек. — Он помолчал, потом добавил тише: — И ради того, чтобы не смотреть, как умирает ещё одна.

Он подошёл к столу, сел в кресло, и сразу стал меньше — не ростом, а той тяжестью, которая давила на плечи.

— Сегодня вечером я соберу совет. Ты будешь присутствовать.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы видеть их лица. — Он посмотрел на меня. — Чтобы они знали: ты под моей защитой. Что бы они ни шептали за спиной — в глаза они будут смотреть на тебя с уважением. Или страх — это одно и то же при дворе.

Вечером тронный зал был полон — до краёв, до последнего угла.

Придворные в роскошных нарядах, советники в мантиях, маги в тёмно-синих одеждах с серебряными рунами на воротах. Сесилия сидела в первом ряду, бледная, с каменным лицом — идеальная маска, под которой, я знала, кипела ярость. Герцог Торнвуд стоял у колонны, скрестив руки на груди, и его поза выражала спокойствие, которого он не чувствовал. Жене-вьева и остальные принцессы — отдельно, на скамьях для невест, похожие на ряд белых статуй.

Я вошла под взглядами сотен глаз. Кто-то смотрел с ненавистью, кто-то с любопытством, кто-то со страхом. Я не опустила голову. Я прошла к своему месту — рядом с императором.

Он поднялся на трон. Воздух в зале стал плотнее.

— Я собрал вас, чтобы объявить, — его голос разнёсся под сводами, не встречая эха, поглощаясь шторами и мрамором, — отныне отбор невест находится под личным контролем короны.

В зале зашептались. Шёпот рос, как пламя на ветру.

— К покоям каждой принцессы приставлена стража. Еду и вино будут проверять мои маги. Никто не войдёт и не выйдет без моего разрешения.

— Это тюрьма! — выкрикнула принцесса Акварии, вскочив со скамьи. Её голос звенел, как разбитый хрусталь.

— Это защита, — отрезал император, и в его голосе зазвенела сталь. — Если вы хотите жить, вы будете подчиняться. Если вы хотите умереть — продолжайте спорить.

Он обвёл зал взглядом, и шёпот стих.

— Убийца среди нас. Я знаю это. И я найду его. Даже если для этого придётся перерыть каждый камень дворца, каждую подушку, каждый карман.

— Как вы собираетесь его искать? — спросил герцог Торнвуд, не меняя позы. Его голос был спокойным, почти ленивым — но я заметила, как напряглись его пальцы на локте.

— Маги будут сканировать ауры. — Император говорил, как читал приговор. — Будут проверять следы магии на орудиях убийства. Будут допрашивать слуг с пристрастием. Под зельем правды. Под магическим контролем. Если потребуется — под пыткой.

— Это нарушает законы империи, — заметил один из советников, старик с трясущейся головой.

— Я император. — Император поднялся на ноги. — Я сам создаю законы. И сам их отменяю. Тот, кто убивает невест, убивает будущее империи. А за это — нет наказания слишком сурового.

Он встал с трона, и все в зале невольно подались назад.

— Никто не смеет срывать отбор невест. Никто не смеет убивать тех, кто избран престолом. — Его голос стал тише, но от этого только страшнее. — Клянусь своей короной — я найду убийцу. И он умрёт медленно.

Замолчали даже шептуны. Тишина стала абсолютной — такой, что я слышала, как потрескивают свечи, как бьются сердца.

Император посмотрел на Сесилию.

— Леди Сесилия, вы обвинили принцессу Элиану в подставе. У вас есть доказательства? Она не опустила взгляд. Её лицо оставалось каменным — только в уголках губ дрогнула тень.

— У меня есть показания слуг, — ответила она.

— Приведите их.

— Они исчезли.

— Как и ваш племянник? — Император усмехнулся — холодно, безрадостно. — Слишком много исчезновений, не находите?

Сесилия побледнела. Я видела, как её пальцы впились в веер.

— Я не убивала, — сказала она, и в её голосе впервые прозвучала не сталь, а что-то другое. Уязвимость? Страх?

— Я и не обвиняю. — Император вернулся на трон, сел, положив руки на подлокотники. — Но если вы невиновны, вам нечего бояться. Расследование покажет.

Он обвёл зал взглядом.

— Все свободны. Завтра маги начнут расследование. Принцессы остаются в своих покоях до особого распоряжения.

После совета меня догнал герцог Торнвуд. Он шёл бесшумно, и я заметила его только тогда, когда он оказался рядом.

— Император разгневан, — сказал он тихо, почти не разжимая губ. — Это опасно.

— Опасно для убийцы, — ответила я, не останавливаясь.

— И для невинных. В гневе он не разбирает лиц. Я видел это раньше. Он может сжечь дворец, чтобы найти муху.

— Вы боитесь, что он найдёт вас?

Герцог усмехнулся — коротко, одними уголками губ.

— Мне нечего скрывать. А вот вам — есть.

Я остановилась.

— Что вы имеете в виду?

— Письмо, которое вы нашли в библиотеке. То, которое вы спрятали под матрас. — Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на сочувствие. — Если оно всплывёт на совете, вы станете подозреваемой. Маги увидят вашу магию на пергаменте. Они увидят, что вы его касались, прятали, читали.

— Я не убивала.

— Но письмо может быть истолковано как угроза. Или как шантаж. А в нынешней атмосфере этого достаточно.

Он ушёл, не прощаясь. Растворился в тени колонны, как призрак.

Я осталась стоять, сжимая кулаки. В голове гудело.

— Лисса, — прошептала я, когда служанка подошла ко мне, — мы должны спрятать письмо в надёжном месте.

— Где? — спросила она, и в её глазах застыл ужас.

— Там, где никто не догадается искать.

Но я уже знала, что надёжного места не существует. Во дворце, где у герцога глаза и уши в каждой трещине, где Сесилия знает о каждом моём шаге, где император может сканировать ауры — нет тайников. Есть только пепел.

Ночь прошла беспокойно. Я не спала — ворочалась на кровати, смотрела в потолок, слушала, как за стеной перекликаются стражники. Письмо лежало под подушкой — я чувствовала его тепло, его тяжесть, его опасность.

Слова герцога не выходили из головы. «Если оно всплывёт — вы станете подозреваемой».

На рассвете Лисса прибежала запыхавшаяся, с красными от бессонницы глазами.

— Ваше высочество, маги уже начали расследование. Они допрашивают слуг. Используют магию, чтобы выявить ложь. Говорят, один повар признался, что видел, как леди Сесилия подходила к бокалам, но потом взял слова обратно — и у него пошла носом кровь.

— А принцесс?

— Пока нет. Но император сказал, что сегодня будут проверять всех. И вас — в том числе.

— Значит, нужно быть готовой.

Я достала письмо из-под подушки. Развернула. Перечитала в последний раз.

«Я знаю, что вы задумали. Если вы тронете императора, я расскажу всё...»

— Лисса, мы сожжём его.

— Но это единственная улика! — Она прижала руки к груди. — Единственная нить к Лириане! К тому, кто её убил!

— Это улика против меня. — Я подошла к свече. — Если маги увидят его, они подумают, что это я угрожала кому-то. Что это я шантажировала убийцу. Что это я — убийца.

— А если оно пригодится?

— Тогда я запомню, что в нём написано. Слово в слово. Каждую букву, каждую запятую. Я поднесла письмо к пламени.

Бумага вспыхнула — не жёлтым, а синим огнём. Магическим. Я смотрела, как пергамент скручивается, чернеет, превращается в пепел, который падает на пол, на мои пальцы, на моё платье. Письмо Лилианы — тайна, которую она унесла с собой в могилу — исчезло в нескольких дюймах от моей кожи.

— Теперь никто не найдёт его, — сказала я, стряхивая пепел.

— А если правда всплывёт? — спросила Лисса. — Если кто-то узнает, что вы его сожгли?

— Тогда я скажу, что испугалась. Что не хотела, чтобы меня подставили. Что я действовала в панике. — Я посмотрела на свои руки — на них остались серые разводы. — Это будет правдой.

Лисса кивнула. В её глазах не было уверенности — только страх.

В дверь постучали.

— Принцесса, — раздался голос стражника, — магистр Астор желает вас видеть.

— Пусть войдёт.

Магистр вошёл — седой, с длинной бородой, в тёмно-синей мантии, расшитой серебряными звёздами. Он двигался медленно, но в его глазах горела острота, которая не соответствовала возрасту.

— Ваше высочество, император приказал проверить всех принцесс. Я должен задать вам несколько вопросов. — Он раскрыл свиток, взял перо.

— Задавайте.

— Вы знали лорда Мортон?

— Нет. Увидела впервые на балу. — Я говорила спокойно, глядя ему в глаза.

— Он предлагал вам вино?

— Да. Я не стала пить.

— Почему?

— Показалось, что он нервничает. Его руки дрожали. Он не пил сам. Я подумала, что это странно.

Магистр кивнул, записывая что-то в свиток. Перо скрипело по пергаменту.

— Где вы были в ночь убийства Кристалии?

— На балу. Танцевала с императором. Потом ушла в свои покои.

— Кто может это подтвердить?

— Лисса. И стражники у дверей. И сам император.

— Благодарю.

Он поклонился — ровно настолько, насколько требовал этикет — и вышел.

Я выдохнула. Лёгкие горели.

— Кажется, пронесло, — сказала Лисса.

— Или он просто делает вид, что поверил. — Я посмотрела на дверь. — Или у него уже есть подозреваемый, и это не я.

Вечером император снова собрал всех в тронном зале.

Света было мало — свечи догорали, слуги не успевали их менять. Тени плясали на стенах, как похоронные факелы.

— Маги проверили всех принцесс, — объявил император, стоя на верхней ступени трона. — Ни одна не имеет следов магии, связанной с убийствами.

— Значит, убийца — не принцесса? — спросила Женевьева.

— Или он использовал не магический яд. Или его не было в зале, когда убивали. Или он умеет скрывать следы — есть артефакты, которые это позволяют. — Император обвёл нас взглядом. — Или убийца — не женщина.

— И что теперь? — спросила принцесса Акварии.

— Теперь я приставляю к каждой принцессе личного стража, который будет неотлучно находиться рядом. Днём и ночью. В спальне, в ванной, на прогулке.

— Это слежка! — воскликнула она.

— Это защита. И слежка тоже. — Император не повысил голоса — но в зале стало тихо.

— Если вы невиновны, вам нечего бояться. Если вы убийца — вы не сможете ударить снова.

Он обвёл зал взглядом.

— Отбор продолжается. Следующее испытание — через три дня. Готовьтесь.

— А если убийца ударит снова? — спросила Селеста. Её голос дрожал.

— Не ударит. — Император посмотрел на неё — и на секунду мне показалось, что в его глазах мелькнула жалость. — Я сделаю всё, чтобы он не посмел.

Он повернулся ко мне. Долгий взгляд — такой, что я почувствовала его кожей.

Я кивнула. Он кивнул в ответ.

Ночью я сидела у окна. Луны светили ярко — красная и зелёная, как два глаза, которые никогда не закрываются. Они смотрели на меня, ждали, оценивали.

— Лисса, ты веришь, что император найдёт убийцу? — спросила я, не оборачиваясь.

— Верю. — Она стояла у двери, готовая позвать стражу при любом шорохе. — Он никогда не бросает слов на ветер. Он поклялся — значит, найдёт.

— А если убийца — кто-то из его приближённых? Кто-то, кого он любит? Или боится?

— Тогда ему будет больно. — Лисса помолчала. — Но он всё равно найдёт. Потому что он император. А императоры не имеют права на слабость.

Я закрыла глаза. За веками — лицо Сесилии, усмешка герцога, холодный взгляд Жене-вьевы. И тень — четвёртая, пятая, та, которую я ещё не разглядела.

«Кто ты, убийца?»

Я не знала. Но одно я поняла точно: император на моей стороне. И это единственное, что давало мне надежду.

Потому что в мире, где каждый может оказаться убийцей, союзник на троне — это больше, чем оружие. Это шанс.

А шанс — это всё, что мне нужно.

Глава 15. Магия крови и тени прошлого

Утро после совета не принесло облегчения — только новую порцию страха, замешанного на бессилии. Я проснулась в своих покоях, под балдахином из синего шёлка, и первое, что увидела, — лицо стражника, заглядывающего в дверь. Он стоял у порога, не заходя внутрь, но его присутствие было как клеймо. Я больше не принадлежала себе. Я стала подозреваемой.

— Лисса, — позвала я, и служанка тут же возникла рядом с подносом, на котором парил чай, пахнувший мятой. — Император уже встал?

— Он работает с магистром с ночи, ваше высочество. Говорят, они проверяют ауры всех, кто был на балу. Даже придворных дам, даже послов.

— И что нашли?

— Ничего. — Лисса опустила глаза. — Или не говорят.

Я отодвинула чашку. Чай был горек — или это моя горечь перешла в напиток.

— Мне нужно поговорить с ним.

— Он не принимает, ваше высочество. Даже меня не пустили.

Я встала. Ноги были ватными, но я заставила себя идти. Корсет сдавил рёбра — напоминание, что я жива, что я дышу, что я ещё не стала трупом.

— Тогда я подожду у кабинета. Рано или поздно он выйдет.

Лисса не спорила. Она уже знала — меня не остановить.

Коридоры были пусты — стражу увели на допросы, слуги разбежались по углам, боясь попасть под магический сканер. Я шла одна, и мои шаги эхом разносились под сводами, как похоронный марш.

У малого кабинета стояли двое стражников. Они не пропустили меня, но и не прогнали — только сказали, что император занят. Я прислонилась к стене и замерла.

Время тянулось, как резина. Я считала удары сердца, потом трещины в каменной кладке, потом пятна на факелах. Ничего не менялось. Только страх рос, заполняя каждый уголок сознания.

Дверь открылась через час.

Император вышел — усталый, с красными глазами, с мятой рубашкой, не заправленной в мундир. За его спиной маячил магистр Астор с кипой свитков.

— Ты здесь, — сказал он, заметив меня. В его голосе не было удивления. — Ждёшь?

— Жду, — ответила я, отклеилась от стены.

— Зачем?

— Хочу помочь.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то — может, насмешка, может, одобрение.

— Иди за мной.

Он пропустил меня в кабинет. Астор остался снаружи.

Кабинет был завален бумагами. Свитки лежали на столе, на полу, на подоконнике. В воздухе пахло пылью и потом — люди работали всю ночь, не разгибая спин.

— Садись, — император указал на кресло, а сам сел напротив. — Говори.

— Я хочу найти убийцу, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Не как принцесса — как женщина, которую дважды пытались убить. Я имею право знать, кто охотится на меня.

— Ты имеешь право выжить. Всё остальное — привилегия.

— Тогда дайте мне эту привилегию.

Он усмехнулся — горько, одними уголками губ.

— Что ты предлагаешь?

— Дайте мне доступ к допросам. К отчётам магов. К тайной библиотеке — не той, что под гобеленом, а той, где хранятся личные дела советников.

Он нахмурился.

— Ты просишь слишком много.

— Я прошу шанс. — Я поддалась вперёд. — Вы сами сказали, что я не такая, как другие. Что я дерзкая. Что я не боюсь. Используйте это. Пусть убийца знает, что за ним охотятся не только маги с их амулетами, но и я — с моим упрямством.

Он молчал. Смотрел на меня. В его глазах плясали отражения свечей.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я дам тебе доступ к отчётам. Но будешь ходить с моим человеком.

— С кем?

— Со мной.

Я опешила.

— Вы император. У вас есть дела поважнее.

— Моё главное дело — найти убийцу. И если для этого нужно ходить с тобой по коридорам — буду ходить.

Он встал, подошёл к окну. Свет упал на его лицо, и я увидела, как глубоки тени под глазами.

— Ты не представляешь, как это выматывает — быть императором. Каждое утро просыпаться с мыслью, что кто-то из твоих подданных умер. Каждый вечер ложиться с надеждой, что завтра не принесут новую смерть. — Он повернулся ко мне. — Три сотни лет. И каждый раз одно и то же.

— А Лилиана? — спросила я. — С ней было по-другому?

Он замер. Напрягся так, что желваки заходили под кожей.

— С ней было по-другому, — сказал он тихо. — Она была не как все. Она... смеялась. Даже когда знала, что умрёт. Она смеялась и говорила: «Если умирать, то с музыкой». А потом исчезла.

— Вы её искали?

— Искал. До сих пор ищу. Но не нахожу.

Я хотела спросить ещё, но он перебил:

— Хватит. Иди в библиотеку. Астор покажет тебе отчёты. И будь осторожна — убийца может быть где угодно. Даже среди тех, кому ты доверяешь.

Он открыл дверь. Астор ждал, терпеливый, как старый пёс.

— Проводи принцессу в хранилище, — приказал император. — И дай ей всё, что она попросит.

Библиотека, куда меня привёл Астор, была не той, что под гобеленом. Эта находилась в восточном крыле, за дверью, которую охраняли двое магов в чёрных мантиях. Внутри пахло старыми книгами и чем-то сладковатым — ладаном, который клали между страницами, чтобы уберечь пергамент от жуков.

— Здесь хранятся дневники советников, отчёты магов, личные письма императоров, — пояснил Астор, ведя меня между стеллажами. — Всё, что не подлежит огласке.

— А дневник Лилианы? — спросила я. — Я нашла его в другом месте.

— Там хранится то, что было утеряно. Здесь — то, что спрятано намеренно.

Он указал на стол, заваленный свитками.

— Это отчёты по вашему делу. Читайте. Я буду рядом.

Я села. Свитки были холодными, шершавыми. На каждом стояла печать с короной — личная печать императора. Никто не читал их раньше меня.

Я погрузилась в чтение.

Первые свитки были скучными — перечни имён, даты, показания слуг. Ничего нового. Потом я наткнулась на письмо, адресованное императору, но не отправленное. Почерк был знакомым — Лилианы.

«Я знаю, что он замышляет. Он хочет не просто убить меня — он хочет сделать так, чтобы я исчезла бесследно. Как будто меня никогда не было. Но я оставила след. Ищите в закрытом крыле. Там, за портретом, есть тайник. Я спрятала там всё, что знаю о нём.»

Я перечитала трижды.

— Астор, — позвала я. — Что в закрытом крыле, за портретом?

Магистр подошёл, взглянул на письмо. Его лицо осталось бесстрастным.

— Ничего, ваше высочество. Мы проверяли. Там пусто.

— А кто проверял?

— Я. Император приказал после исчезновения Лилианы.

— Вы нашли что-нибудь?

— Нет.

Я не поверила. Не потому, что Астор врал, а потому, что он мог ошибаться. Или не хотеть находить.

— Я хочу проверить сама.

— Это запрещено. Закрытое крыло — зона, куда не пускают даже принцесс.

— А император? Он пустит?

— Спросите у него.

Я вернулась в кабинет императора уже через час. Он сидел за столом, перебирая бумаги, и, увидев меня, отложил перо.

— Нашла что-то?

— Письмо Лилианы. Она писала, что спрятала доказательства в закрытом крыле, за портретом.

Он напрягся.

— Астор обыскивал там. Ничего нет.

— Может, он искал не там. Или не хотел находить.

Император встал. Его лицо стало каменным.

— Ты обвиняешь Астора?

— Я обвиняю того, кто не хочет, чтобы правда всплыла. — Я посмотрела ему в глаза. — Дайте мне ключ от закрытого крыла. Я проверю сама.

— Это опасно. Там могут быть ловушки.

— Везде опасно. Я уже привыкла.

Он молчал. Потом протянул руку к ящику стола, достал тяжёлый железный ключ.

— Иди. Но я пойду с тобой.

— Вы?

— Я не могу потерять ещё одну.

Закрытое крыло встретило нас холодом и тишиной.

Пыль лежала на всём слое — здесь не убрали годами. Портреты прошлых императриц смотрели на нас с осуждением. Я прошла к портрету Лилианы — тому самому, где она была в белом платье, с лёгкой улыбкой.

За ним была стена.

— Пусто, — сказал император.

Я провела рукой по камню. Шершаво, холодно. Но в одном месте — едва заметный шов. Я нажала.

Камень бесшумно отъехал в сторону. Внутри лежала шкатулка — чёрная, с серебряной инкрустацией.

— Что это? — прошептал император.

Я открыла шкатулку.

Внутри — письма. Десятки писем. Все адресованы Лилиане, все без подписи. Я взяла верхнее.

«Ты думаешь, что победила? Ты думаешь, что император защитит тебя? Он не сможет. Я везде. Я всегда рядом. Ты не увидишь меня, пока не станет слишком поздно.»

— Это его почерк? — спросила я, протягивая письмо императору.

Он взял, прочитал. Его лицо побледнело.

— Нет. Это не его. Он бы не стал писать такие вещи.

— А чей?

— Не знаю. Но я узнаю.

Он спрятал письма в карман.

— Теперь иди. Я разберусь.

— Вы не можете отстранить меня от расследования. Это моя жизнь.

— Это моя империя. Иди, Элиана. Прошу.

Он впервые сказал «прошу». Это слово прозвучало так странно, так чужеродно в его устах, что я не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.